

Писатели XIX в. о Святых Горах

А. Н. Муравьев
о Святых
Горах

III

А.Н. МУРАВЬЁВ

*Писатели XIX в.
о Святых Горах*

А. Н. Муравьёв о Святых Горах

Святые Горы. Очерк.

Письмо в С.-Петербург

Несколько слов в память
Т.Б. Потёмкиной. Некролог.

Твёрдо стала ты пятою....
Стихотворение

Донецк
«Донбасс»
2010

ББК 86.372.24
М91

А.М. Муравйов про Святі гори. Зб. творів.
(Упор. В.М. Дєдов).
-Донецьк: «Донбас» 2010 - 192 с.

Ця книга - своєрідна збірка творів про Святі Гори відомого в ХІХ ст. письменника, релігійного діяча Андрія Миколайовича Муравйова. Основу збірки склали нариси «Святі Гори», написані після відвідування Святогірського монастиря в 1851 році. Крім нарисів до збірки увійшли: «Лист зі Святих Гір від 27 травня 1858» і некролог «Кілька слів на згадку Т.Б. Потьомкіної». Завершує збірку поетичний твір О. М. Муравйова, присвячений історичній пам'ятці - печерного монастиря в крейдяній скелі. Упорядник видання, історик В. М. Дєдов супроводив збірку вступним словом, коментарями та ілюстраціями. Книга адресована широкому колу читачів і публікується в складі серії книг «Письменники ХІХ ст. про Святі Гори».

ISBN 978-966-1615-26-6

© Дєдов В.М. Вступ. Коментарі. 2010
© Державний історико-архітектурний
заповідник у м. Святогірську - упорядкування 2010

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Андрей Николаевич Муравьёв (1806-1874) – русский духовный писатель, поэт, церковный деятель. Его многочисленные произведения по вопросам истории церкви и богословия, описание святых мест и монастырей были широко известны не только в Российской империи, но и в Европе. Уже первые работы молодого писателя и поэта, обратили внимание не только любителей словесности, но и именитых поэтов и писателей. Так, А.С. Пушкин в отзыве на книгу А.Н. Муравьёва «Путешествие по Святым местам в 1830 году» писал: „С умилением и невольной завистью прочли

мы книгу г-на Муравьёва... Он посетил Св. места, как верующий, как смиренный христианин, как простодушный крестоносец жаждущий повергнуться во прах пред гробом Христа Спасителя..."

И.С. Тургенев в своей рецензии на другую книгу А.Н. Муравьёва «Путешествие по Святым местам русским» в 1836 году отмечал: „С каким же удовольствием видим теперь писателя, одаренного истинным талантом и согретого любовью к святыне веры и отечеству, который посвящает свое перо описанию предметов столь драгоценных сердцу христианина и русского”. Тургенев увидел наряду с религиозной точкой зрения автора, историческое значение его труда, особенно в части описаний монастырей, которые были хранилищами памяти духовной культуры, летописей и других рукописных собра-

ний, памятников зодчества, христианских реликвий и святынь.

Начиная с 30-х гг. XIX в. А.Н. Муравьёв практически ежегодно пишет и издает книги по вопросам вероисповедания, богослужения, взаимоотношения православия с другими конфессиями и церквями и даже получает разрешение на издание жития святых собственного сочинения. Всего известно около 60 прижизненных изданий А.Н. Муравьёва, среди которых свое место занимает небольшая по объему книга «Святые Горы», написанная автором после посещения Святогорского монастыря в мае 1851 года. Кроме этого произведения в настоящий сборник «А.Н. Муравьёв о Святых Горах» вошли: письмо А.Н. Муравьёва в С.-Петербург из Святых Гор от 27 мая 1858 года, некролог «Несколько слов в память Т.Б. Потёмкиной», стихотворение

А.Н. Муравьёва, посвященное Святым Горам и Т.Б. Потёмкиной. Прежде, чем коснуться вопроса об обстоятельствах написания этих произведений, приведём несколько биографических данных о самом авторе и его деятельности в Украине.

А.Н. Муравьёв родился в семье известного математика, генерал-майора Н.Н. Муравьёва в Москве. Его отец был основателем Николаевской академии Генерального штаба, где готовили офицеров русской армии. Мать писателя, А.М. Муравьёва, происходила из знатного рода Мордвиновых. Андрей получил хорошее домашнее образование. Его учителем был преподаватель русской словесности, поэт, переводчик С.Е. Раич, который приходился родным братом Киевскому митрополиту Филарету (Амфитеатрову). Юный Муравьёв с удовольствием посещает ли-

тературные вечера Раича, где знакомится с Пушкиным, Грибоедовым, Баратынским, завязывает дружеские отношения с Тютчевым, Лермонтовым.

А. Муравьёв, как и его товарищи, увлекся литературой, переводами, пишет стихи, однако в этот период его литературная деятельность рассматривается как юношеское увлечение.

В мае 1823 г. А.Н. Муравьёв поступает на службу в армию, юнкером в егерский полк, расквартированный в Тульчине (на Украине). Вместе с полком юнкер Муравьёв участвует в сражениях на Балканах во время русско-турецкой войны. Несколько позднее А.Н. Муравьёв переходит на службу в дипломатическую канцелярию главнокомандующего 2-й армией, где служит до 1829 г.

После окончания военных действий,

А.Н. Муравьёв добивается разрешения на путешествие в Святую землю. Написанная после этого книга, отзыв о которой А.С. Пушкина приведен выше, выдержала десять изданий и во многом определила будущее А.Н. Муравьёва как духовного писателя. В 1833 г. А.Н. Муравьёв принимает на себя обязанности обер-секретаря канцелярии Святейшего Синода. Его труды, в частности «Письма о Богослужении» получили не только признание клира, но и научных кругов. Автора избирают в 1937 году академиком Российской академии наук и вскоре дают звание камергера. В Синоде А.Н. Муравьёв обрёл наставника и друга в лице митрополита Филарета (Дроздова) и с его благословения пишет ряд церковно-исторических книг. После ухода митрополита Филарета из Синода, Муравьёв так же подает в отставку и пере-

ходит на службу в общее присутствие Азиатского департамента, где служит чиновником по особым поручениям (до 1866 г.). В этот период А.Н. Муравьев много путешествует, как по стране, так и за рубежом, активно печатается, в том числе на средства весьма влиятельных особ.

В круг хороших знакомых А.Н. Муравьева входит и семья Потёмкиных, владельцев Святогорского имения на Украине. Особенно хорошие отношения сложились у писателя с Татьяной Борисовной Потёмкиной, которая своим благочестием и благотворительной деятельностью завоевала непререкаемый авторитет, как в Петербургском высшем свете, так и среди клира. Граф С.Д. Шереметьев, хорошо знавший А.Н. Муравьева, в своих воспоминаниях писал, что писатель часто посещал дом Потёмкиных

в Петербурге, находил много общих тем с Татьяной Борисовной, которая в знак признания литературного таланта А.Н. Муравьёва подарила ему золотое перо в футляре с надписью: «Перо Муравьёва». О том, что А.Н. Муравьёв был вхож в семью Потёмкиных и их близких родственников говорит тот факт, что когда родной брат Татьяны Борисовны, князь Николай Борисович Голицын подготовил к печати рукопись книги «О возможном соединении Российской церкви с западною без изменения обрядов православного богослужения», Андрей Муравьёв был в числе узкого круга лиц, которым князь прочитал сочинение. Оценка книги со стороны А.Н. Муравьёва была негативной, однако князь все же опубликовал рукопись за рубежом, без указания авторства. Это вызвало неоднозначную реакцию в обществе, а в

высших кругах – гнев и порицание. Наиболее резко отреагировал на публикацию А.Н. Муравьёв. Он сразу определил автора крамольного произведения и доложил по инстанциям. В одном из писем в адрес высшего руководства Святейшего Синода А.Н. Муравьёв писал: *„Возвращаю со скорбным сердцем данную мне вчера Вашим Высокопреосвященством книгу о возможном соединении церкви Восточной с Западною, и узнаю в ней сочинение князя Николая Борисовича Голицына, которое он мне читал нынешнюю весною в рукописи: я тогда же сказал ему, несмотря на все его угрозы, что если он осмелится издать сию рукопись за границей, как он сие предполагал, то по долгу совести перед церковью обличу его, что и делаю теперь перед Вами...”* Князь Н.Б. Голицын после этого скандала, по высочайшему повеле-

нию, был взят под домашний арест и вынужден был под надзором полиции безвыездно находится в с. Богородском Курской губернии, где имел небольшое имение. Эта страница биографии писателя А.Н. Муравьёва приведена здесь не только в связи с характеристикой личности писателя, как бескомпромиссного «синодального чиновника», но и как влиятельной особы в среде высших иерархов церкви.

Граф С. Шереметьев в своих воспоминаниях писал: „...Муравьёв был строгим блюстителем устава... Петербургское духовенство и боялось, и не любило Муравьёва, который всюду и везде замечал все неисправности, сам распинал или же, что хуже, сообщал духовному начальству”. Князь Н.Б. Голицын впоследствии вынужден был дать обещание не касаться церковных вопросов вообще и не печат-

таться за границей. С помощью сестры, Т.Б. Потёмкиной, которая лично хлопотала за брата перед высшими чиновниками и священнослужителями, князь получил разрешение на передвижение по стране через полтора года домашнего заточения. Святые Горы сыграли особую роль в последний период жизни князя Н.Б. Голицына. Это единственное место, которое дозволено было посетить Н.Б. Голицыну после скандала с книгой. Здесь же, в родовой усыпальнице, на территории Святогорского монастыря, он был погребен после своей кончины в 1866 году.

Несмотря на случившееся, А.Н. Муравьев стремился не потерять дружественных отношений с Т.Б. Потёмкиной, при всяком удобном случае выделял ее особую роль в возобновлении Святогорской обители и продолжал пользоваться её рас-

положением. В апреле 1868 г., писатель по приглашению Татьяны Борисовны в очередной раз посещает Святые Горы по случаю завершения строительства Успенского собора и его освящения. После смерти Т.Б. Потёмкиной в 1869 г., А.Н. Муравьёв пишет некролог «Несколько слов в память Т.Б. Потёмкиной», текст которого публикуется в настоящем сборнике. Если со Святыми Горами у писателя была эпизодическая связь, то Киев стал его последним пристанищем.

После кончины митрополита Филарета, в петербургском подворье которого квартировал А.Н. Муравьёв, последний вынужден был оставить столицу и переехать в Киев, где он ранее приобрел земельный участок рядом с Андреевской церковью. Его переезд на Украину был совсем не случаен. Еще совсем юным

юнкером, в мае 1823 г. Андрей Муравьёв посетил Киево-Печерскую Лавру и настолько «впечатлился» храмами и святынями монастыря, что решил при благоприятной возможности приобрести в Киеве дом. Мечта А.Н. Муравьёва сбылась в последнее десятилетие его жизни. Уйдя в отставку в 1866 г. А.Н. Муравьёв навсегда переезжает жить в свою усадьбу около Андреевской церкви. Вид, который открывался из дома Муравьёва на Подол и Заднепровье был настолько живописен, что ни один гость писателя не мог остаться равнодушным. В 1869 г. во время посещения Киева императрицей Марией Александровной, в числе лиц сопровождавших ее был известный поэт и друг А.Н.Муравьёва – Ф.И. Тютчев, который так отозвался стихами на киевскую «обитель» писателя:

*Там, где на высоте обрыва
Воздушно-светозарный храм
Уходит ввысь – очам на диво,
Как бы парящий к небесам;
Где Первозванного Андрея
Еще поднесь сияет крест
На небе киевском белея,
Святой блюститель этих мест, –
К стопам его свою обитель
Благоговейно прислоня,
Живешь ты там –
Не праздный житель
На склоне трудового дня...*

Усадьба А.Н. Муравьева в ее первоначальном облике не сохранилась. В настоящее время это Андреевский спуск в границах домостроений № 34-38. Исследователи киевского периода жизни писателя обращают внимание на то, что это время отмечено неустанной борьбой с вла-

стями города за сохранение исторической среды древнего Киева. Особенно опекал А.Н. Муравьёв Андреевскую церковь, построенную по проекту Растрелли. По его инициативе были произведены работы по устройству подземной церкви Сергия Радонежского, обновлению фасадов и интерьера Андреевской церкви к юбилею храма в 1867 г. Кроме того, была укреплена Андреевская гора, склоны которой начали «ползти».

В истории Киева известен факт подготовки графом Э.И. Тотлебенным нового плана укрепления Киева, реализация которого грозила если не утратой исторической застройки города, то значительным ущербом для неё. В отмене этого плана в 1870 г. решающую роль сыграл А.Н. Муравьёв, который как «защитник православия» и духовный писатель аппе-

лировал к высочайшим особам и высшим чиновникам по данной проблеме. По существу А.Н. Муравьев выступил охранителем памятников старины и противником генерал-губернатора Киева, что следует из следующего отрывка письма А.Н. Муравьева: „...*Тотлебен сочинил этот план, может быть отличный в стратегическом смысле, но губительный для древности и святыни, которая пострадала бы от предполагаемых укреплений еще прежде осады. Он предложил свой проект генерал-губернатору князю Дондукову, и тот, по свойственной ему легкости, никого не спрося, вполне его одобрил, и план был уже утвержден свыше, но все хранилось в тайне у инженеров; ходила только глухая молва по городу о предстоящем разорении...*”.

А.Н. Муравьеву удалось убедить вы-

сочайших особ в ошибочности предложенного строительства и «перетянуть» на свою сторону военного министра Д.А. Милютина, который содействовал коренному пересмотру плана укрепления Киева.

Вместе с тем, несмотря на внешнее благополучие, писатель в этот период испытывает серьезные материальные трудности. Для оплаты накопившихся долгов А.Н. Муравьев хочет продать усадьбу на Андреевском спуске и переехать жить в Святые Горы. Здесь А.Н.Муравьев уже запланировал постройку дома и заготовил для этой цели лес из имения Потёмкиных. Однако, смерть А.М.Потёмкина в 1872 г. прервала осуществление этого плана.

В последние годы жизни, А.Н. Муравьев пишет труды больше исторического и мемуарного характера, из которых следует выделить «Описание предметов

древности и святыни, собранных путешественником по Святым местам». Коллекция христианских святынь и древностей, собранных А.Н. Муравьёвым вместе с его архивом и библиотекой, была наиболее ценной частью его наследства. Для Святогорского монастыря особую ценность имела небольшая средневековая каменная рака для мощей св. Вел. Арсения. Об этой реликвии и обстоятельствах этой находки писатель сообщает в своих очерках «Святые Горы». Узнав о строящемся храме в честь Вел. Арсения, А.Н. Муравьёв передаёт ковчег, имеющий большую историческую ценность, настоятелю Святогорского монастыря архимандриту Арсению. Остается добавить, что эта христианская реликвия в 1913 г. была передана настоятелем монастыря, архимандритом Трифоном в Харьков для епархиального музея

и в настоящее время хранится в фондах Харьковского исторического музея.

18 августа 1874 года А.Н. Муравьёв скончался и по его завещанию был похоронен в подземной части Андреевской церкви, которую сам же устроил. Ценнейшие музейное собрание А.Н. Муравьёва, библиотека и архив были переданы наследниками в Киевскую духовную академию, из которой в 20-х гг. XX века предметная часть попала в фонды Всеукраинского музейного городка на территории Киево-Печерской Лавры, а книги – во Всенародную библиотеку (ныне Научная библиотека им. Вернадского). Во время Великой Отечественной войны музейная часть коллекции А.Н. Муравьёва была вывезена немцами и пропала. Отдельные её составляющие фиксируются в музейных и частных коллекциях в Европе и Америке.

Нужно отметить, что после 1917 г. о А.Н. Муравьёве как литераторе не вспоминали и его произведения не переиздавались. Он считался реакционным писателем. Его имя «всплывало» лишь в работах по истории литературы, ибо связи А.Н. Муравьёва с классиками русской литературы были общеизвестны, в том числе по его воспоминаниям, опубликованным в книге «Знакомство с русскими поэтами» (Киев, 1871 г.) Эти мемуары писателя существенно дополняли творческие биографии А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.И. Тютчева, И.С. Тургенева и других.

О литературном наследии самого А.Н. Муравьёва стали говорить лишь с начала 90-х гг. XX в. Так, его книга «Путешествия по святым местам русским» была переиздана в 1990 г. тиражом 200000 экземпляров. В дальнейшем увидели свет его труды

«Письма о богослужении» (1993), «Житие Святых Российской церкви» (1994), «Первые четыре века христианства» (1998), «Русская Фиваида на севере» (1999), «История российской церкви» (2002).

В 2001 году в Санкт-Петербурге выходит обобщающее исследование П.А. Хохловой о самом А.Н.Муравьёве под названием «Андрей Николаевич Муравьёв – литератор». Отдельные статьи и заметки посвященные киевскому периоду жизни и творчества А.Н.Муравьёва публикуются как в научных изданиях (Н. Хохлова Діяльність Андрія Муравйова в Києві. // Відкритий архів. Щорічник матеріалів та досліджень з історії модерної української культури. т. 1. – К.: Критика, 2004. с. 144 – 203) так и в справочной литературе, периодических изданиях (Дениско Л. Андрій Миколайович Муравйов та його

бібліотека // Вісник Книжкової палати. – 2001 – № 10, с.31 – 34; Кальницький М. Могила Муравйова А.М. // Звід пам'яток історії та культури України. – К., 1999. – Кн. 1, ч. 1: А – Л, с. 160; Кальницький М. Писал неразборчиво, но порядок на Андреевском спуске навёл. // Киевские ведомости. – 1994, 6 авг.).

Настоящее издание имеет своей целью познакомить читателя с частью литературного наследия А.Н. Муравьёва, посвященному Святым Горам. Писатель очень любил этот необыкновенный уголок Украины, неоднократно посещал его и желал провести здесь остаток своих дней. Одно из лучших литературных произведений XIX в. о Святогорском монастыре - это очерки А.Н. Муравьёва «Святые Горы», написанные под впечатлением от пребывания в Святых горах в мае 1851 года. Для

читателя эти путевые заметки о храмах Святогорской обители, его древностях, первом настоятеле Святогорского монастыря по его возобновлении в 1844 году архимандрите Арсении, представляют несомненный интерес как исторический источник. Автор не только даёт характеристики своим героям, но и передаёт их прямую речь по интересующим писателя вопросам. Например, непосредственно из уст Т.Б. Потёмкиной читатель узнаёт об обстоятельствах открытия Святогорской обители в XIX веке, а от настоятеля монастыря – неизвестные ранее подробности об Иоанне Затворнике и уходе его в пещеру меловой скалы. Вместе с тем, это литературное произведение написано простым, доступным языком, который некоторые исследователи творчества А.Н. Муравьёва сравнивали с «летописным

стилем» историка Н.М. Карамзина.

Существенно дополняет описание Святых Гор письмо А.Н. Муравьёва, датированное 27 мая 1858 года. Это ещё один взгляд писателя на Святые Горы через семь лет после своего пребывания в Святогорском монастыре. Благодаря этому письму читатель узнает, что один из самых замечательных памятников Святогорской Лавры, Андреевская часовня, была устроена на меловой скале благодаря инициативе А.Н. Муравьёва.

Итоговым произведением А.Н. Муравьёва о Т.Б. Потёмкиной является небольшой некролог под названием «Несколько слов в память о Т.Б. Потёмкиной», опубликованный сразу после кончины хозяйки Святых Гор летом 1869 года в Берлине. В акцентах, расставленных писателем в этой посмертной заметке о Т.Б. Потём-

киной, Святые Горы занимают своё, особое место. Последним желанием Татьяны Борисовны было остаться навсегда в родной обители, рядом с братьями, которых она собственноручно здесь похоронила в усыпальнице князей Голицыных. Комплекс подземных склепов с наземным павильоном при входе в подземную церковь пр. Антония и Феодосия, обращал на себя внимание всех, кто посещал Святые Горы после 1850 года. Эти и другие сведения писателя представляют несомненный интерес для современного читателя, поэтому некролог вошёл органической частью в состав сборника произведений А.Н.Муравьёва о Святых Горах.

Завершают издание стихотворные строки писателя, посвященные наиболее ценному историческому и культурному памятнику Святогорья – древнему пещер-

ному монастырю в меловой скале.

Собранные воедино произведения о Святых Горах А.Н. Муравьёва публикуются в рамках проекта «Писатели XIX в. о Святых Горах», подготовленного Святогорским историко-архитектурным заповедником. В необходимых случаях авторский текст сопровождается пояснениями и комментариями историка, которые подаются в конце каждого произведения. Кроме того, текст первых двух произведений проиллюстрирован фотографиями из фондов заповедника.

В.Н. Дедов
Засл. работник
культуры Украины

А. Н. Муравьев

Святые Горы

Очерк

Печатается по: Святогорская
Успенская общежительная
пустынь - М.: тип. Бахметьева,
на Малой Дмитровке, 1868,
с. 106-149.

Тепла украинская звездная ночь; от-
радно дышать ее мягким ароматным воз-
духом. Молодой месяц, золотым своим
рогом, прорезывается из-за дикой чащи
Святогорской, чтобы подняться на это
Афонское небо нашей Украины. На теме-
ни горы мелькают сквозь ветви деревьев
яркие звезды, как бы земные огоньки жи-
лья человеческого; когда в них самих це-
лые миры: так часто необъятное кажется
мелким для нашего близорукого взора.
Луна, выражавшая некогда в этих краях
знамение ислама,¹ освещает теперь самую
мирную картину, которую может только
пожелать христианское сердце.

Тихий Донец, достойный союзник ти-
хого Дона, как слывет он в песнях народ-
ных, незыблемою лентою вьется у подо-
швы лесистых гор по лесной дебри; нет ни
малейшей струи, как бы ни одной тревож-
ной думы на его светлом лице, хотя много

ратных тревог, искони и еще недавно, от половцев и до крымцев, оглашало его дикие берега, и славен он в древней песни о полку Игорева.

Что же умиротворяет здесь течение? Вот из лесной чащи подымается над ним белый призрак, увенчанный крестом, и веет на него миром; у подошвы сего таинственного исполина,² при слабом мерцании Луны, белеет на берегу обитель и серебристый звук её колокола, от времени до времени разрешая молчание ночи, как бы языком человеческим вещает мир: и мир сей приемлет в свое глубокое лоно тихий Донец, и этим миром проникается заветная чаща святогорской дубравы, и вся необъятная лесная дебри окрестной пустыни безмолвствует широко. Слышен только, посреди молчания дел человеческих и ночной тишины, безбрежный, безгласный говор невидимого мира насеко-

мых: мириады кузнечиков стучат легким своим молотом, в вековых дубравах и как бы вступают в наследие упокоившихся людей, дабы всякое дыхание в свое урочное время хвалило Господа.

Отраднo и свежо украинское утро, когда первые лучи его золотят, в лесной чаще, тот же белый призрак, увенчанный храмом; Донец, встрепенувшийся от ночного сна, покрывается весь серебристою зыбью, широкие тени лесов сходят к нему, по уступам береговых холмов, мало-помалу проницаемых лучами дня; вся лесистая дебрь до дальних высот Изюма и Кременца, ограждающих горизонт, ярко горит солнечным светом и, посреди сего пустынного моря зелени; живописно раскинулось вдали село Богородица³ как умиленно зовут его простодушные жители Украины. Сходная местность и сладкие имена Афонские в одно время утешают

Вид на Святогорский монастырь

взор и слух. Но всего очаровательнее самая обитель; от светлых вод Донца возносящаяся до вершины горы; величественны, под навесом вековых деревьев, уступы, горного ее крыльца, которое ведет на священный утес, избранный жилищем для отшельников, хотя казалось природа создала его только для орлиного гнезда.

Хотите ли уподоблений Афонских? – это выпрениая обитель Симо-Петры, прикованная к гребню утеса; хотите ли сравнений более родственных? – это как бы священный отрывок гор Киевских, на коих также воссияла благодать Божья по слову Первозванного, но только мирный Донец заменяет здесь бурный Днепр, и, конечно; это сходство, Киевское и Афонское, привлекло сюда отшельников и усвоило обители сладостное название Святогорской.

Не странно ли встретить этот лесной

и горный оазис посреди нашей Украины? Воображение с детства привыкло искать в ней одни лишь безбрежные степи, с их сторожевыми курганами, где дико пасутся конские табуны или белые стада волов, где еще недавно бурно носились наездники гайдамаки, а теперь медленно тянется, как бы на пустынной ладье, одинокий чумак на своей двуволовой колеснице, между великих могил, ибо так слывут эти курганы в народных преданиях Украины. Чем неожиданнее было явление, тем приятнее для сердца, и теперь я отдыхаю, в этом мирном оазисе, под гостеприимным кровом его приветливых владельцев.

Быстро и неожиданно перенесся я из лесистых дебрей Брянских в равнины Украины, томительные однообразием и зноем, но вот, от станции Голой Долины,⁴ вполне заслуживающей это название, ночью оставили мы большую Славянскую

дорогу, и нас встретил лесистый берег Донца. Крутыми своими изгибами он будто заграждал нам путь в заветную обитель: едва перевелись мы на пароме через его светлые воды, у села Богородицы, как вдруг опять он бросился поперек нашей дороги в вековой дубраве, но тут уже и сам окованный мостом.

Чудное зрелище поразило меня по ту сторону моста: над самой рекою стала

Паром у с. Богородичное

пред нами, как-бы предел путей человеческих, высокая церковь: она сияла, из всех своих окон, огнями лампад и свечей: сладкое пение в ней раздавалось, привлекая к молитве, отверстые широко врата приглашали внутрь ограды, и колокол сверху договаривал приветный зов сей в тишине ночи. Не смотря на усталость трехдневного пути, невольно взошел я во святые врата и над ними в благолепную церковь Покрова Богоматери, не оставлявшей святое место сие и во время его долгого запустения.⁵ Стройно пели иноки второй ирмос Богородичного, столь утешительный обетованием неколебимости Церкви Христовой, утверждаемой Духом Святым, и эта приветная песнь исполнила благими надеждами сердце. Я должен был, однако уступить усталости и воспользоваться кратким отдыхом до поздней литургии в гостинице монастырской, но с первым

Вид на Покровскую церковь

ударом колокола поспешил опять в обитель. Народ спускался по живописной лестнице со скалы, где была ранняя обедня в горней церкви Святителя Николая, и первое лицо, которое я встретил у крыльца, был давний мой знакомец английский диакон П***, с которым за шесть лет тому назад мы простились в Лондоне, а в прошлом году разъехались в Палестине. Я знал из Одессы, что он едет в Святые горы, но уже не надеялся застать его там, и утешительна была для меня сия первая встреча. Диакон английской церкви в Украине, у подножья Святогорской скалы, идущий вместе с православным народом от ранней литургии, – не замечательное ли это явление для каждого? Но оно еще более чувствительно было для того, кто коротко знал церковные обстоятельства, побудившие сего искателя истины, в течении стольких лет, стремиться за нею по

Западу и Востоку: быть может, только по избытку пытливости не удовлетворялось благочестивое его сердце, хотя пламенно желает истины и, даст Бог, обрящет в лоне вселенского Православия. С русскою горячностью бросился я обнять П*** после столь долгой разлуки: с английскою холодностью пожал он мне руку, как будто мы только вчера расстались, хотя я не мог сомневаться в его радости. Но на лице его, сквозь обычное спокойствие, выражалась тяжкая дума: он будто истомился на труженическом пути своем и изнемог в искании; его тяготило чуждое уже для него состояние родной его Церкви, а между тем колебалось сердце между Западом и Востоком; с одной стороны, мнимый внешний блеск Римского вселенства, увлекавший многих из его присных в Англии, с другой — чистота догматов Восточного Православия, в коих он истинно убедился, даже

с явным исповеданием нашего Символа без приложений Западных, производили тяжкую борьбу в его совестливом сердце; одиночество странного его положения между трех Церквей, печальною думою отражалось на его лице и отзывалось в его беседе.

П*** один из замечательных характеров нашей эпохи, для изучающего современную церковную историю. Тем грустнее было для меня его долгое колебание, и я с сердечным участием встретил его у подножья скалы Святогорской. Мне пришла на мысль его Оксфордская келья бывшего аббатства, ныне же ученой коллегии святой Магдалины, где можно было вообразить себя в какой либо русской обители, от множества икон, украшавших сию келью, с творениями славянскими св. Отец; вспомнил я и ту трогательную минуту, когда П***, принеся мне молитвос-

лов для чтения вечерних молитв, не хотел нарушить правь гостеприимства и ввести меня в искушение, разделив со мною чтение сих молитв, ибо Церковь Православная запрещает молиться с неправославными; а он хотя и не почитал себя таким, но должен был казаться им в моих глазах, и тем трогательнее было это внимание. Я не хотел однако платить ему здесь тою же

*Вид на дом Потёмкиных с запада.
Фото XIX в.*

строгостью и, напротив того, зная, что он в душе приемлет все наши догматы, старался, чтобы во время нашего общего пребывания в обители Святогорской, он разделял с нами все молитвы, мне желалось, чтобы сердце его более и более привязывалось к любимому им богослужению нашему, и сим внешним путем привлекало его внутрь спасительной ограды.

Вслед за П*** встретил я, у подножия скалы, все Святогорское общество; владелица Святых гор⁶ хотела чтобы я немедленно переселился в её очаровательное жилище, к которому особенно привязано её сердце и действительно есть тут что полюбить и чем любоваться. Живописная дача её в полугоре,⁷ с обширными видами на всю долину Донца при безоблачном небе Украины, напоминала мне римские виллы Фраскати, с их просветами на чудную пустыню вечного города; особенно

поразило меня, с роскошной террасы, нечаянное зрелище обители Святогорской и её меловых утесов, просеченных кельями иноческими, под сенью вековой дубравы. Колокол долго и громко, призывал к молитве, а я еще не мог оторвать взоров от чудного вида. Сама радушная хозяйка казалось, не могла наглядеться на эту картину, которая как бы ежедневно обновлялась пред нею, и это весьма понятно, потому что, без её пламенного усердия Святые горы доселе бы оставались в их печальном запустении.

После обедни, которая совершалась чинно и благолепно в будни, как-бы в праздник, в новой привратной церкви Покрова, посетил я настоятеля, Архимандрита А***.⁸ Мы уже давно были с ним знакомы, и он постоянно приглашал меня на Святые горы. Должно сказать правду: нельзя было найти человека более способного для вос-

становления столь древней и замечательной обители, которая вместе и монастырь и пустыня, а между тем отовсюду заключена в пределах частного владения и нуждается в его пособиях. Происходя из достаточного купеческого рода, отец А*** оставил много своего в мире, чтобы посвятить себя службе Божией, и следственно не жаждет богатеть для себя, а между тем, для домашнего устройства обители имеет большую опытность, которою обязан своему первоначальному быту. С другой стороны, он имел случай посетить Восток и пожить на всех его св. местах, в Палестине, на Синае и Афоне, под руководством духовного наставника, каков был незабвенный князь-инок Аникита Шихматов и мог изучить весь быт иноческий в первоначальном его образе; когда же возвратился на родину, проходил опять строгое послушание в Глинской пустыни, под началом подвижника Филарета,

которого память доселе уважается во всей окрестности: таким образом и духовная опытность присоединилась к житейской; тогда лишь, совершенно нечаянно, встретился он с владетелями Святых гор, в ту самую минуту, когда они хотели обновить их, и духовное начальство искало опытного настоятеля в новую обитель. Я просил Архимандрита показать мне все достойное внимания в Святых горах: мы условились начать со священного утеса, как послужившего основанием для обители, и еще до захождения солнца взойти на его вершину. После вечерни все собрались у подножия скалы и, со свечами в руках, предшествуемые настоятелем, вошли внутрь её пещер. Начало их прокопано не в меловом грунте, который встречается несколько далее, и потому нас обвеяло холодом и сыростию. «Мы должны были откапывать вновь это все пространство до мелового грунта, ска-

Вид пещерного хода в меловую скалу

зал мне Архимандрит; незадолго до обновления Святых гор, засыпано было начало пещер, будто бы из опасения, чтобы не обвалились своды; но промыслу Божию угодно было сохранить святыню и древность».

Довольно крутым подъемом достигли мы до меловато грунта и сейчас почувствовали его благодетельную теплоту и сухость; изумление мое возрастало с каждым шагом. Этот тесный наклонный коридор напоминал мне еще более внутренность пирамиды Египетской, нежели Киевские пещеры, где после малаго спуска идешь по ровной поверхности; а тут, около ста сажень, все круче и круче подымалась дорога. Местами останавливал нас настоятель, чтобы дать отдохнуть, и показывал, как, сама природа сплотила сию меловую массу слоями кремня, ее пересекающими: иначе не могла бы держаться такая громада в виде отдельного утеса. Мне пришло однако на мысль, что

не иноки первые были делателями и обитателями сих пещер; но как преподобные Печерские нашли уже готовыми Варяжские пещеры и только обратили вертеп разбойников в жилье иноческое: так и здесь, на Святыхъ горах, кажется, что первые неизвестные подвижники воспользовались какою-нибудь опустевшею твердынею Половцев. Известно, что недалеко отселе была их столица Саркел или Белая Вежа, а этот утес, в лесной чаше на берегу реки, представлял самородную крепость, которой лучше не могли создать себе люди: посему, быть может, и покрыто неизвестностью начало обители.⁹ Впрочем это одна только догадка: небольшие пещеры в Саровской пустыни слывут также Болгарскими.

Когда мы поднялись с самое сердце мелового утеса, узкий переход круто поворотил налево, и потом опять вправо; тут собственно уже начиналось жилье, и ме-

стами на поворотах иссечены были малые углубления в виде келий, где стояли кресты и иконы для молитвенного возбуждения тружеников, восходящих на скалу.¹⁰ В одном из сих углублений, на втором повороте пещерного хода, настоятель указаль мне гробницу, в которой сложены были им все кости подвижников, найденные в пещерах, дабы не расхитили их святотатно; отслужив над ними соборную панихиду, их опустили в землю в общем гробе. Давнее предание уверяет, будто от сего места тайный подземный ход сообщался с Киевскими пещерами Антония и Феодосия, и сколько ни казалось нелепым такое сказание народное, оно основано однако, на истинном начале.

Вероятно здесь и доселе существует забытый ход в недавно открытую пещерную церковь Св. Антония и Феодосия, которая давно уже была завалена; а так как сохра-

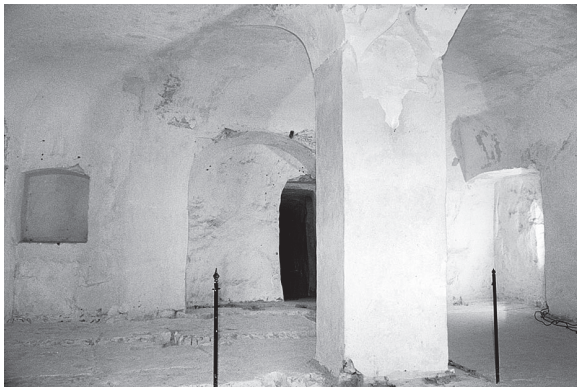

Пещерный ход к подземной церкви

нилась память, что было некогда сообщение с пещерою Антония и Феодосия, то воображение народное, которое любит все преувеличивать и украшать, для большей славы Святой горы, выдумало, будто бы этот закладенный ход ведет прямо в Киев, к древнему жилищу преподобных Печерских. Много поэзии в этом народном сказании, которое соединяет давно минувшее

с настоящим, ради духовного их единства, и былое облекает в небылицу, лишь бы сохранилось предание. Я просил Архимандрита постараться отыскать этот древний ход во вновь открытую подземную церковь Антония и Феодосия, и он обещал это исполнить, если только можно. Несколько далее был тайный спуск со скалы к Донцу, но ион теперь закладен настоятелем чтобы лучше охранять ее заветную внутренность.¹¹

Мы продолжали подниматься, но уже по весьма легкому наклону, с некоторыми поворотами, почти под самую вершину утеса, и тут нашли наконец древнюю обитель, зародыш нынешней. Сперва взошли мы в малую церковь Святителя Николая, всю ископанную в скале, которой своды опирались на одинокий меловой столб, подсеченный не временем, а людьми; на этом столбе явилась по преданию чудот-

*Пещерная церковь со столбом
в меловой скале*

ворная икона Святителя; и усердие народное изгрызло столб ради исцеления, так что принуждены были обложить его камнем. Не более двух квадратных сажень в этой замечательной церкви, которая послужила основанием Святогорью, когда еще гнездились иноки в сердце утеса.¹² Не понятно, как решились ее упразднить в последующие более мирные времена, ког-

да монашествующие могли подняться на самое темя скалы и там устроить новую церковь во имя Чудотворца, полуиссеченную в меловом утесе, полудостроенную.¹³

Более полутора столетия лет пустело основное их святилище и не было в нем богослужения, доколе, при восстановлении обители Преосвященный Иннокентий не возбудил красноречивым словом одного ближайшего благодетеля, помещика Малиновского, обновить и сию древнюю церковь. Приходило на мысль посвятить тогда верхнюю Преображению Господню, как стоящую на вершине скалы, но давность ее посвящения Святителю Николаю удержала от такой перемены; весьма прилично разделено между обеими празднование тому же Угоднику Божью: зимний праздник совершается внутри пещерной церкви, по ее теплоте; весенний же - на верху горы, благоухающей тогда древес-

ными листьями и цветами.

Около сей внутренней церкви есть несколько переходов и до пяти келий, прилегающих к ней с разных сторон; в одной из самых тесных, на восток, обитает теперь затворник, сокрывшийся в сердце горы;¹⁴ одна с западной стороны обращена в церковный притвор есть еще две рядом с нею, в которые проникает свет сквозь узкие окна. Довольно обширная трапеза свидетельствует, что тут было полное жилище иноческое, человек на двенадцать, если не более, которые, в непрестанном страхе Божьем и человеческом, тут подвизались высоко и далеко от всякой молвы житейской. Им угрожала двоякая опасность: духовно впасть в сети дьявольские, если оскудеет их молитва, и вещественно вью руки вражеские монголов или крымцев, если неосторожно спустятся с уединенной скалы своей, в которую не было

ни отколе ведомого пути. Одно строгое за-творничество могло охранять их, в столь опасных местах, на правом враждебном берегу Донца, где в последствии протянут был в защиту от врагов так называемый красный вал, конечно от крови, потому, что крымцы сдирали кожу с ног каждого пленника. Такова была страшная местность сей обители, и потому вероятно не многолюдна была она в первые времена до учреждения слобод украинских в защиту сего края; вероятно, были здесь и неведомые нам мученики, запечатлевшие кровью своею труженический подвиг, а быть может некоторые из них служили и сторожевыми вестниками, для спасения православных собратий.

Настоятель сказал мне, что он застал еще следы русской печи в трапезе, и обратил мое внимание на крепкие слои кремня, как бы связи для сводов скалы: рука

небесного Строителя видимо соорудила здесь обитель иноческую. Малые сенцы устроены были близь одной кельи, между скал, и висели над бездною; чудный вид открывался с сего горного балкона на долину Донца; это мне напоминало уничтоженную теперь террасу нижних пещер Киевских, с ее обширным видом на все Заднепровье. Немного ступеней уже искусственного крыльца вывели нас изнутри скалы на высокий рундук, пристроенный к церкви, вместо прежнего обветшавшего. «Удивительно, сказал Архимандрит, как еще мог, в течении стольких лет, держаться старый, который почти висел на воздухе, не опираясь на края утеса; особенно опасно было это при толпе народной. Самая церковь подрыта была кельями весьма низкими, который прокопали себе новейшие труженики, под ее помостом, так что со временем она могла бы обрушиться-

ся. Господь удержал силою своею церковь на скале и самую скалу, неколебимую от времен потопных, дабы украсить ею иноческую обитель; теперь, в свою очередь, инокам украшать скалу сию своими подвигами».

Мы вошли в обновленную благолепную церковь Святителя Николая, которая за несколько только дней пред сим освящена была преосвященным Харьковским Филаретом; весь алтарь ее иссечен в меловом утесе и с южной стороны недавно выкопан также притвор для братии, а с запада пристроены сени с хорами, так что вместе с широким рундуком, или террасою, довольно есть помещения; народ ежедневно сюда стекается для ранней литургии и после поздней, потому что усердствующие носят икону Святителя на скалу, где читается акафист, Когда мы опять вышли на террасу, настоятель спросил меня: «нет ли

Интерьер Николаевской церкви

мне чего знакомого в том обширном виде, который открывается пред нами? И, действительно, я узнал Киевское Заднепровье. «Вот здания нижних пещер, говорил

он, указывая на самую обитель у подошвы скалы; вот и просека к станции Броварам, которая здесь ведет в старую усадьбу Студенка; вот и дальний Вышгород, образуемый высотами Кременца; скромный Донец вьется здесь, как будто бы сам величавый Днепр, а лесистая дебрь за ним и эти горы, покрытые лесом с обеих сторон от нас, не напоминают ли вам лаврскую гору и дремучие леса Заднепровья?» Только живописная дача Потёмкиных была новостью в этой чудной картине; но она так сроднилась с обителью Святогорскою, что без нее здесь казалось бы пусто. Все сие очаровательное зрелище тонуло, можно сказать, в багровых лучах заходящего солнца, и непрестанно изменявшиеся краски вечернего неба, разнообразием своих теней, умножали очарованье.

«Не мудрено, сказал я, что иноки Киевские, разбежавшиеся после разгро-

ма монгольского, из своей лавры, здесь приютились, обретши нечто подобное не только их пещерам, но и самой местности. Странно, что и на берегу Десны, в Брянске, куда была перенесена чудотворная икона Печерская в Свенскую обитель, есть также подобие местности Киевской. Иноки Печерские как будто бы во всем искали незабвенный для их сердца образ их заветной святыни, и старались основаться там, где только могли найти хотя что-либо ей подобное». ¹⁵

«Мы не можем утвердительно определить времени заселения Святогорья монахами Киевскими, возразил Архимандрит, но мы не можем сомневаться, что выходцы лавры Печерской основали нашу обитель: о том свидетельствуют, кроме ископанных пещер, храмовые Праздники наши, сходные с Печерскими, и память Святителя Николая, особенно чествуемая в Киеве и

вероятно оттуда к нам перенесенная. Есть однако у нас и другое преданье об основании Святогорской обители, весьма замечательное. Говорят, будто однажды иноки Афонские, плывшие в Россию, приняли ошибкою устье Дона за Днепровский лиман и, подымаясь вверх по реке, нашли это место, которое так живо напоминало им родную местность Святогорскую, что они решились тут поселиться и даже сообщили сладкое названные Святогорья неведомым дотоле скалам».

«И в этом предании может быть истина, отвечал я как она таилась отчасти и в том, будто бы пещеры ваши сообщаются с киевскими – Антония и Феодосия, только тут ошибочно вставлен Днепр для украшения народной легенды. Известно, что во все время ига монгольского, после запустения Киева, Дон служил единственным сообщением Московского княжества

с Царьградом, и этим путем ходили туда святители наши за поставлением, равно и греческие к нам за милостынею. Очень не мудрено, что иноки Афонские, подымаясь вверх по Дону, ошибкою взошли в Северный Донец при его соединении с Доном, а может быть они надеялись здесь и на кратчайший путь; когда же обрели живописную местность Святогорья, пожелали в ней уединиться, особенно если тут нашли уже несколько русских подвижников, которые издавна спасались в вертепах. Кто знает, быть может и великие святители наши, Алексей и Иона, иногда этим путем спускались в Царьград, потому, что Донец делается судоходным несколько ниже Белгорода, одной из древнейших епархий наших. Тогда их молитвами освятились и чудные сии места».

Архимандрит провел нас, через расщелину камня, с террасы церковной на от-

крытую площадку природной скалы, где совершилось торжественное молебствие, при обновлении обители. Величественна была эта картина, когда сам красноречивый Пастырь призывал здесь все стихии и царства природы участвовать в общем торжестве. «Над нами голубое небо юга, говорил он, и сеннолиственные деревья Украины; под нами величавый Донец и мирные стада с их пастырями; окрест нас скалы, сражавшаяся с волнами потопа, и кельи тружеников, боровшихся с силами самого ада». Все это так и доселе; но мне жаль, что хотели ознаменовать это место памятником, как бы недовольствуясь тут величием одной природы. Боюсь, чтобы каменный шатер, поднявшись в уровень с утесами, не закрыл своею массою легкие их острия.

С этой площадки просечено отверстие в скале на другой балкон, висящий над

бездною. Настоятель имел намерение заложить этот вход и устроить в его углублении часовню, но я убедил его оставить отверстие и балкон, и вместо часовни утвердить икону Святителя Николая, снаружи на природной скале, с теплящеюся пред ней лампадою, так чтобы еще издали всегда могли ее видеть приходящие из-за Донца богомольцы; я просил тут же на террасе поставить большой крест и образ Первозванного Апостола, в знамение того, что и на сих горах, как на Киевских, воссияла предсказанная им благодать Божья.¹⁶ Все это обещал исполнить настоятель и сохранить две малые кельи отшельников, которые выдолблены были в выдавшемся утесе, и даже окно в просеченной скале, где был прежде выход, чтобы можно было любоваться дальними видами на долину Донца и лесную дебрь.

«Посмотрите на этот утес, что с правой

стороны сказал мне настоятель, и скажите, можно ли было подозревать в нем жилье человеческого»? Я перегнулся через перила балкона и увидел на гладкой скале, висящей над пропастью, малое отверстие, как бы логовище, но не для зверя, а для птицы, потому-то только на крыльях туда можно подняться. «Поверите ли, продолжал Архимандрит, и конечно трудно поверить, если бы мы сами не были тому свидетелями, что тут обитал, даже при нас, тайный отшельник, и мы около полугода о том не знали, удивлялись только, что устье этой пещеры было черно и видали иногда как бы струю дыма, из него исходившую; однажды подстерегли однако человека, который вдруг скрылся с этого балкона, где мы теперь стоим. Я сам пришел сюда и стал умолять неведомого раба Божья, выйти из сего вертепа, дабы не навлечь неприятности только-то зарождавшемуся

монастырю, если в нем будут скрываться неизвестные люди. Долго не было отзвыва на мои увещания, так что я принужден был прибегнуть к угрозам, уверяя, что, не смотря на опасность, найду средство подмоститься к его скале. К общему изумлению нашему, внезапно явился из устья пещеры сухой изможденный человек, еще непреклонных лет, в одной сорочке; легко перепрыгнул он через пропасть, из своей пещеры на острие противоположащего утеса, взлез на наш балкон и, молча поклонившись нам, удалился. Мы не любопытствовали спросить: ты кто еси? да он бы и не дал нам ответа, и с тех пор, вот уже шесть деть, никто его не видал. Много пещер выдолблено прежними отшельниками в меловых утесах, которые выглядывают из лесной чащи над рекою. И так, доселе есть еще труженики», подобно тем, что спасались в Фиваиде и Палестине, в

первые века Христианства».

«Расскажу вам еще об одном странном приключении, которому я также был свидетель, продолжал Архимандрит. Однажды, возвратившись от утрени, еще до рассвета, вижу, что на этом остроконечном утесе, который всех выше, стать как бы подобие человека в белом, с развевающеюся от него хартиєю, Меня объял ужас; я принял это за мечтание бесовское, и, чтобы проверить свои чувства, спросил, келейника: не видит ли он чего-нибудь на утесе? – и он ужаснулся, увидев то же самое, что и я. Тогда послал я братию на скалу посмотреть, что это за диво? – Оказалось, что крестьянин ближнего селения, будучи лунатиком, неведомо как взобрался на этот отвесный утес, к которому, как вы сами видите, ни откуда нет приступа. Сперва стоял он на одной ноге, потом сел на самое острие утеса, так что посыпались

из-под него камни; он громко кричал, что ожидает свыше благодати, и по ветру развевалась длинная разрисованная хартия, которую он навязал себе на шею. Боялись назвать его по имени, чтобы не очнулся и, не упал в пропасть; послали за становым, который по счастью случился в монастыре, и принесли шесты и веревки, чтобы его как-нибудь спустить. Между тем он сам очнулся и, в ужасе схватившись за скалу, с воплем умолял, чтобы его сняли; не малых трудов это стоило. С задней стороны утеса, где примыкает крытая галерея, приставили кое-как шесты на скалу и, бросив ему веревки велели обмотать их за ее вершину; так он спустился с чрезвычайной опасностью; но и я до сих пор не понимаю, как он мог туда взобраться».

Начинало смеркаться: Архимандрит повел нас обратно со скалы уже не через внутренние пещеры, но чрез наружное

крыльцо, в виде крытой галереи, пятью-стами ступень величественно спускающееся к подножию утеса. Это крыльцо, необходимое для удобного восхода и спуска, прежде весьма тяжелого по горной тропе, сооружено щедрым даянием одной благочестивой соседки Святогорья Ш***.¹⁷ Сперва хотели разделить лестницу на тридцать уступов, по числу ступени духовной Лестницы святого отшельника Синайского Иоанна, и начертать на каждом избранные слова из его высокого творения. Не знаю, почему оставлена сия первоначальная мысль, которая бы ознакомила многих простых богомольцев с духовною книгою Лествичника; вероятно воспрепятствовала местность.

Я слышал еще прежде, что внутри скалы находилась тайная усыпальница братии, и просил Архимандрита указать мне это священное место. Узкая дверь была

видна в меловой скале там, где она вырастает из полугоры, но трудно было туда спуститься. Однако, вместе с П*** мы сбежали с галереи по крутизне к отверстию пещеры. По счастью не была заперта дверь; там нашли небольшой коридор с поворотом направо, на конце его было окно; по сторонам видны погребальные лежа, числом до двенадцати, иссеченные углублениями в скале: тут отдыхают труженики, быть может и нетленные, радующееся на ложах своих.¹⁸ П***, который не знаю почему предполагал, что в этой горней обители надлежало быть двенадцати, и не более, труженикам с их аввою, чрезвычайно обрадовался, увидев, что его предположение как бы исполнилось числом их гробниц. Невольное благоговение объяло нас во мраке тайной усыпальницы за сердце скалы, и мы помолились над прахом подвижников, смиренно оставив-

ших нам одни безымянные свои кости, хотя конечно много неведомых для нас подвигов прославило ту скалу, в основание коей сами возлегли.

По строгости Глинского устава, перенесенного на Святые горы, женщины не имеют входа в кельи монашествующих, а потому настоятель, отпустив всех наших спутниц, пригласил к себе только меня с П***.

Мне желательно было собрать некоторые устные предания о начале настоящей обители, прежде, нежели изгладятся они из памяти современников, как уже стерлись большею частю все сказания прежде бывшей, хотя протекло только шестьдесят лет от ее упразднения.¹⁹

«Время это, сказал мне Архимандрит, было для нее как бы пленением Вавилонским; но не оскудевала любовь окрестных и даже отдаленных жителей к святому ме-

сту и постоянно стекался сюда народ, особенно в Успенский пост и на праздники Святителя. О том, что только сохранилось письменного касательно обители, вы можете прочесть в книжке нашего Архипастыря. Существование монастыря достоверно с 1624 года, по милостыни царской Михаила Федоровича строителю Симеону с братьею; но Святые горы известны еще гораздо ранее, с половины XVI века, по Книге большого чертежа, где прямо сказано: от устья реки Оскола на Донце, с Крымской стороны, Святые горы. В древнем синодике, хранящемся в ризнице, говорится, что за многими татарскими разорениями и за частою переменою строителей не обретено, кто начальное изобрел здесь святое жительство и в горе устроил кельи и церковь».²⁰

«Записанное в грамотах и синодиках сохранится само собою, сказал я настояте-

лю, но мне бы любопытно было слышать от вас, как упразднилась и как обновилась обитель ваша?»

«Могу лишь сказать вам то, чему сам был свидетелем, продолжал он; о прежней обители знаем только, что она была закрыта в 1788 году,²¹ почти в одно время с Межигорскою, что под Киевом, при Архимандрите Венедикте; тогда-же были отписаны в казну две тысячи душ ее крестьян и двадцать семь тысяч десятин монастырского леса. Какая была главная причина упразднения пустыни, мы не знаем: устное предание гласит только, будто князю Таврическому полюбилось это место, и он испросил себе нашу рощицу, как он ее называл, чтобы основать тут великолепные палаты; предположенное для них место показывают недалеко отсюда на горе. Странно, почему светлейший пожелал уничтожить здесь обитель и в Ме-

жигорах, когда в тоже время он сооружал Корсунскую для единоверцев, на устье Днепра? Мудрено объяснить это одним произволом или пристрастием к живописной местности. Когда же чрез шестьдесят лет, суждено было носящим тоже громкое имя обновить святое место утратилось уже предание о былом».

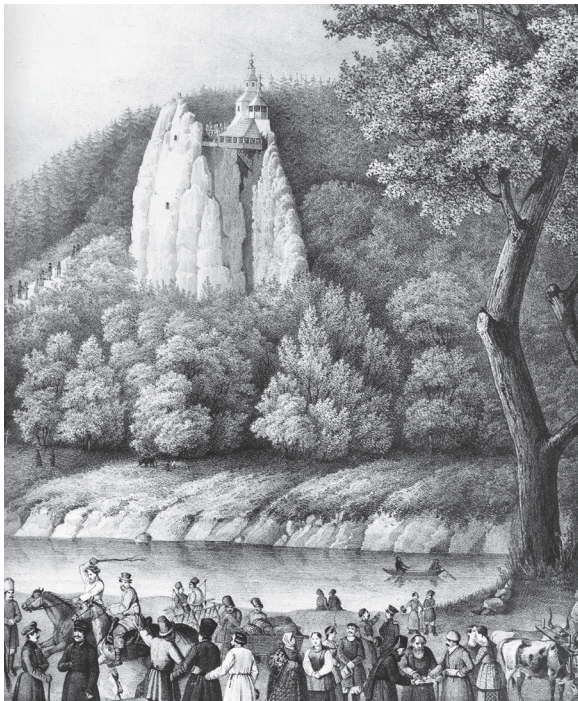
Не ведаю, какими судьбами привелось мне здесь настоятельствовать. Отец Евстратий, игумен Глинской пустыни, послал меня в Петербург по делам монастырским и там встретился я с владельцами сего места; мы говорили о восстановлении запустевшей пустыни и они пригласили меня посетить Святые горы; сердце мое наполнилось чувством радостного изумления, когда в первый раз неожиданно представилась мне, в чаще леса из-за Донца, меловая скала, у подножия коей мне суждено было оставаться. Я по-

нял, что это место создано для пустыни и что не по какой-либо прихоти опять водружается тут обитель. Преосвященный Иннокентий, ревнитель сего обновления, поручил мне созвать братию и с нею предстать в Харьков, для заселения пустыни. Где же мне было искать ее, как не в родной нашей обители Глинской, где провели мы столько лет при блаженном старце нашем Филарете? До двенадцати человек братии согласились последовать за мною, и мы решились перенести сюда наш строгий устав Глинский, напоминающий Афонский. Умилительно было, когда Преосвященный, собрав всю нашу братию перед амвоном своей Крестовой церкви, сказал нам красноречивое слово о тех подвигах, которые нам предстояли на новом поприще. «Помыслите, говорил он, что вы идете обновить следы древних пустынножителей и мучеников, подвизавшихся на

той скале, с которой вы должны светить миру чистым житием иноческим, и вот для укрепления вашего знамени победы, победившее мир». При сих словах он мне вручил неожиданно животворящий крест, с которым вышел из алтаря для краткого слова, и опять удалился внутрь святилища; я остался, с крестом в руках, посреди братии и народа, глубоко тронутых тем, что слышали. Крест сей послужит для нас благословением, подумал я, и положил его себе на грудь, как первый залог нашего здесь жительства, Я покажу его вам в алтаре нашей соборной церкви: в нем есть частицы святых мощей. И другое нечаянное благословение пришло в тоже время укрепить дух наш, посреди предстоящих нам трудностей.

«Митрополит Киевский Филарет, обрадованный вестью обновления Святых гор, писал к Преосвященному Иннокен-

тию, чтобы прислал к нему нового строителя. Митрополит вручил мне список с чудотворной иконы Успения Богоматери, с частицами мощей преподобных Печерских. Таким образом, вторично от Киева, осенило Святые горы благословение древнейего святыни. Икону сию с торжеством встретил, накануне обновления обители, наш Владыка, при стечении многочисленного народа, и конечно его глубокое слово, проникнувшее умилением сердца наши, - достигло вдали и вашего слуха: «откуда нам сие, да придет Мати Господа нашего к нам Святые горы, зрите, кто пришел к вам, и преклоните верхи ваши пред Царицею неба и земли». Не стану описывать вам торжества обновления, когда вся гора, от подошвы и до вершины, унижена была народом ликующим о исполнении давно желанного, когда по словам Преосвященного, «плен Сион окончился, и сей Лазарь

Вид Святогорской скалы в день торжеств по случаю вторичного открытия монастыря 15 августа 1844 г. (фрагмент литографии XIX в.)

не три дни, а семьдесят лет лежавший во гробе, паки восстал»: все это в свое время рассказано и даже напечатано. Скажу только собственное мое радостное и вместе грустное чувство, когда еще прежде сих торжеств пришел один я, с братиею моею, принять во владение сию пустыню в полном смысле слова. Не из-за Донца, как в первый раз, но с вершины горы, увидели мы сию обетованную для нас землю, и хотя отрадно было в ней вселиться, однако тяготило нас чувство нашего крайнего убожества и беспомощности. И вот, с помощью Матери Божьей и посланных ею благотворителей, святое место не осталось пусто. Как видите, обновлена скала, с двумя ее церквами, и устроен на нее вход внутренний и внешний, и отрада до половины кончена со всеми необходимыми службами, и вы уже молились в благолепной церкви Покрова Богоматери над свя-

тыми вратами, – и все это в течение семи лет; мы надеемся соорудить и новый собор Успения на место ветхого»,

«Но вы, конечно, сохраните прежней собор у святых ворот, сказал я, в память того, что он один, в продолжение долгого запустения, охранял предание о бывшей обители и всю ее святыню, если бы не привлекал он к себе ежегодно толпы народа, быть может совершенно бы запустело святое место». ²² – «Желаем и его сохранить, отвечал Архимандрит. Полковник Изюмского полка, Щидловский, основал сию церковь Успения в 1698 году, когда начали здесь селиться слободы украинские и безопасность позволила монашествующим сойти со скалы, чтобы основаться у ее подножия для большего удобства. Это была уже третья эпоха их жительства в здешней пустыне: сперва гнездились, страха ради, в сердце скалы, потом отва-

жились выглянуть на ее вершину, наконец спустились к подошве, и странно, что тут посетило их запустение».

Мне хотелось, чтобы на следующий день ранняя литургия, с поминовением усопших, совершена была в подземной недавно обновленной церкви Св. Антония и Феодосия, о которой много слышал еще в столице. Я просил настоятеля рассказать мне о ее необычайном открытии. «Оно действительно заслуживает внимания, сказал Архимандрит, и трудно бы поверить, если бы мысами не были тому свидетелями.

Промыслу Божию угодно было обнаружить давно утаенное и сохранить для сего живую летопись, при оскудении письменной. При самом обновлении Святых гор поместился в нашу обитель почти столетний труженик, бывший некогда служителем старого монастыря, и мы постригли

*Вход в подземную церковь
пр. Антония и Феодосия. Фото XIX в.*

его с именем Мафусаила, ради его глубокой старости; Ань же открыл нам как бы времена допотопные, потому что самое предание о бывшей пещере утратилось, только молва народная говорила о каком-то сообщении с пещерами Киевским и преподобных Антония и Феодосия, позабыв, что здесь существуют собственные. Как-то в молодости своей Мафусаил, пася стада, попал в лесу на след этой пещеры через слуховое ее окно, и хотя объявлял о том старцам монастырским, но вероятно неблагоприятные обстоятельства не позволили им тогда заняться ее очищением. Нам предоставлено было это утешение, и для сего единственно сохранился между нами старец Мафусаил, который скончался в самый год открытия пещеры. Мы не обращали сперва внимания на его рассказы, да и кому могло придти, на мысль, что малая яма, на которую он указывал в чаще

леса, была слуховым окном в подземную церковь. Не так судил о том, однако Преосвященный Иннокентий, когда я сообщил ему настоятельное указание старца, сам он потрудился приехать в Святые горы и, проведя несколько часов в беседе с Мафусаилом, велел немедленно приступить к работе, а между тем записывать все устные предания старца о бывшей обители».

«Братия, под начальством отца Виссариона, сами начали раскапывать яму и выносить оттуда землю; вообразите общее изумление, когда мы действительно нашли, что здесь есть слуховое окно, и потом, этим тесным путем, спустились в алтарную часть подземной церкви, где обрели место жертвенника и простора, а потом отрыли и весь храм ась его боковыми выходами. Если все это первоначально было ископано иноческими руками, тои очищено опять ими же; братия по усердию сами

выгребали землю и в своих одеждах выносили ее в слуховое окно; радость наша была исполнена. Но старцу Мафусаилу не суждено было видеть окончание указанного им подвига. Он как бы нарочно дождался до того только времени, пока ему поверили и открыли утаенное: однако и при самой смерти был виновником скорого обновления открытого им святилища. Когда вся братия со слезами соборно предавали земле тело его подле самой пещеры, в залог и память ее обретения, нечаянно проезжавший мимо купец Изюмский, который не имел прежде особого расположения к обители, ни даже вообще к церкви, полюбопытствовал, от чего такое собрание народа и усердие усопшему? – Когда же услышал рассказ о чудном обретении и увидел самую пещеру, только что разрытую, умилился сердцем и объявил мне желание немедленно устроить в ней цер-

ковь на свой счет; а с тех пор сделался он ревнителем благочестия до самой кончины, вскоре воспоследовавшей. Таким образом простой старец Мафусаил, в самый час погребения, послужил к душевному спасению одного неведомаго ему брата, а церковь, им обретенная под землю, доселе умиляет души в ней молящихся». Поздно уже при луне возвратились мы в очаровательное наше жилище.²³ Радужная хозяйка сидела на террасе и пригласила нас воспользоваться остатком летнего вечера на свежем воздухе. Самая теплая итальянская ночь, чтобы не сказать украинская, обвевала нас в роскошной вилле. Видя пред собою чудную обитель, только что возникшую из запустения, и ту, которая оживила своим благочестивым усердием сию грустную дотоле пустынь, я хотел услышать, из собственных ее уст— как пришла ей первая мысль обновить Святые

горы? Так подслушал я однажды и поэтический рассказ старицы Бородинской, о начале ее мирной обители на поле ратном. Драгоценны такие преданья свыше всякой летописи, потому что они умирают обыкновенно с теми смиренными лицами, который сами почитают себя и свои деяния столь ничтожными, что зарывают их своим молчанием, вместе с собою, в тихую свою могилу; цвет и плоды видны, но корень глубоко зарастает в землю. Я спросил: каким образом узнала она о существовании и запустении Святых гор?

«Вы, конечно, знали, отвечала она, двух запорожских монахов, Исаию и Мефодия, которые лет осмнадцать тому назад приходили в Петербург, испрашивать себе где-либо место для постоянного жительства. Покойная графиня Орлова прислала их ко мне. Один из них именно иеродиакон Исаия, первый начал мне рассказывать о

Святых горах, восхваляя красоту места, и умолял восстановить запустевшую обитель, дабы все запорожские монахи, пришедшие с ним из-за Дуная во время турецкой войны, могли там поселиться. Ко мне же собственно обратился потому, что слышал о моем близком родстве с генералом Энгельгардтом, которому тогда принадлежало это имение, по наследству от дяди его, князя Потёмкина.

Но хотя немедленно написали к нему, убеждая восстановить обитель, упраздненную князем, он, однако решительно отказал. После его кончины, имение Святогорское должно было разделиться на четыре части, между его сестрами, в числе коих была моя свекровь; но мы упросили княгиню Юсупову скупить себе вес четыре участка, чтобы не разделилось такое прекрасное наследство, по том у что у нас всегда была надежда когда-нибудь обно-

*Т.Б. Потёмкина.
Портрет. С миниатюры XIX в.*

вить пустынь. Княгиня отчасти исполнила наше желание, но колебалась, восстановить обитель до последнего года своей жизни. Она вскоре скончалась, и это имение опять должно было разделиться на две части между ее сыновьями; однако муж мой решился лучше уступить что-нибудь в других имениях, лишь бы это вполне нам досталось, и уступил более тысячи душ, чтобы только получить Святые горы, потому, что его сердце лежало к Святому месту; но мы сперва имели намеренье основать здесь женскую обитель. Отец А*** отсоветовал мне просить о водворении инокинь в таком диком месте, где с самого начала подвизались монахи, и мы стали ходатайствовать о восстановлении мужской Святогорской пустыни, уделив для нее, сколько было нужно леса и земли. Как видите, Бог благословил это дело, вероятно по молитвам святых старцев, кото-

рые долго здесь спасались». Утешительно было слышать все это из собственных ее уст, и достойно внимания, каким образом место, некогда упраздненное по произволу князя Потёмкина, в течении шестидесяти лет, переходя из рук в руки между его наследниками, должно было непременно дожидаться соименного ему владельца, чтобы возвратилось Божье Богову.

«Когда же увидели вы в первый раз Святые горы?» – спросил я. «Это впечатление всегда останется в моем сердце, – отвечала она. Имение принадлежало еще княгине Юсуповой и, во время голода, она просила мужа моего посетить Святые горы, чтобы прекратить там некоторые беспорядки; мы обрадовались случаю и поспешили сюда приехать. Не могу вам выразить, что почувствовала душа моя при виде этой чудной местности, явно предназначенной для пустыни и уже

столько лет запустевшей. Не могли мы оба равнодушно смотреть на те места, где спасалось столько святых мужей, и где, быть может, таятся от нас их святые мощи. Нас тронуло и усердие народа, притекавшего постоянно к Святому месту, не смотря на его запустение; все как бы ожидали, что оно воскреснет, и мы тогда же дали в душе своей обещание стараться всеми силами исполнить общее благочестивое желание, для пользы целого края. Вероятно так угодно было Господу, потому что слабые труды наши не остались тщетны, и мы ежедневно благодарим Бога, что не отринул нас недостойных». Так просто и смиренно рассказывала она родную для ее сердца повесть о начале обители, сама не замечая, сколько было красноречия в ее искреннем слове, которое олицетворялось пред нами на самом деле; глаза ее дополняли благодарными слезами то, чего, быть

может, недоговаривала речь – а ночь была тихая, теплая, как и самое ее слово, вытекавшее прямо из сердца, и кроткая луна освещала пред нами обновленную обитель Святогорскую.

Отраднa для души была наследующее утро литургия в подземной церкви Антония и Феодосия. Она мне напомнила Печерские службы, которые я так любил слушать в недрах земли родного Киева, и те, какие еще недавно сподобил меня Господь слышать в вертепах Палестинских, Гефсимании, Вифлеема и лавры Св. Саввы; я с ними так сроднился, что мне казалось уже как будто странным молиться, при свете дня, под открытым небом. Быть может более умиления возбуждается в пещерах потому, что они невольнo переносят воображение к первым временам христианства, согревая душу теплою молитвою тех веков, как будто бы все давно минув-

шее опять пред нами, и мужи апостольские снова поднимают чистые свои руки к небу во мраке пещер. Недавно усопшие во Христе не были забыты в наших молитвах; молился с нами и П*** и казалось глубоко был тронут, ибо его сердце лежит к величественной нашей службе. Нельзя однако определить времени ископания сей пещеры; во всяком случае, оно гораздо позднее келий мелового утеса, потому что самая правильность внутреннего расположения церкви и отделка сводов показывают, что над ними трудились люди, искавшие не только приюта, но и благолепия в катакомбах.²⁴ Не то мы видим в Киеве, где тесные церкви и переходы ископаны неправильно, судя потому как позволяла местность, и поддерживаются столбами. Обновители Святогорские ископали еще с правой стороны церкви, келью для братии; прочее же осталось неприкосновенным и

кажется не восходить далее XV или XIV века. Странно, как могли позабыть о сей подземной церкви братья прежде бывшей обители; это может служить свидетельством, что она не была в слишком цветущем состоянии в последнее свое время. Пред устьем пещеры поклонились мы могиле открывшего ее старца Мафусаила; тут же начали погребаться именитые роды из окрестности, так что это место сделалось почетною усыпальницею обители.²⁵

Лодка ожидала нас против Св. ворот, чтобы тот час после обедни плыть вверх по Донцу, к так называемому святому месту, где был некогда скит и где снова хотят его устроить.

Менее версты от Св. ворот до малой часовни на берегу, куда совершается ежегодно, накануне праздника Успения, крестный ход на ладьях, в память обновления обители. Это шествие по водам должно

*Кладбище при церкви пр. Антония и Феодосия.
Фото XIX в.*

быть весьма торжественно, при множестве народа, плывущего в различных челноках вслед за священнослужителями, по манию руководственных хоругвей. От сей часовни отлогая стезя повела нас по лесной чаще в гору, до крутого вала, устроенного вью виде батареи, где заметно было и место ворот.

«Это была действительно батарея, – сказал мне настоятель, – и ее инок Иаков пушкарь как его называли по прежнему ремеслу, лет за сто тому назад, при Архимандрите Рафаиле, одном из последних и самом именитом по своей добродетели».²⁶ Должно предполагать, что не без причины протянут был этот вал в лесной чаще, от горы и до горы поперек ущелья; они сходятся позади скита, образуя треугольную площадь отовсюду огражденную; опасность от набегов крымских вероятно вынудила скитников озаботиться и физическим укреплением места духовных своих подвигов. Тут обнаруживается, какими средствами владела тогда обитель, если под руководством пушкаря инока могли срыть целую гору, чтобы завалить овраг для сооружения этого вала; хотя он отчасти осыпался, но еще сохранился крутой обрыв и над ним высокая терраса для

нового скита; отвесные горы, покрытые лесом, не допускают никакого сообщения с окрестностью, кроме одной малой тропы, проложенной в обитель: но ее надобно уничтожить, дабы совершенно удалить скит от путей человеческих; только водою, и то с благословения настоятеля, можно будет посещать его, а поверх вала станет ограда, и ключ от калитки будет у начальника скита.²⁷ Тут у входа мы хотим построить деревянную церковь, во имя великого пустынножителя Арсения, а за нею расположены будут кельи и в сосновой роще, и там, если Богу будет угодно, окончит дни свои и нынешний настоятель обители.²⁸

А я мысленно приготовил священный дар для скитской церкви: мраморный ковчег в виде саркофага, который был обретен недавно в развалинах одного храма в Анатолии, близ города Тарса, отечества

св. Апостола Павла, он должен принадлежать, по своей древней форме и начертанию греческих букв, к отдаленным временам христианства, VII или VIII век, и надпись его конечно приличествует сему месту: «мощи преподобного отца нашего Арсения великого». Хотя теперь уже нет частицы мощей в кивоте, но и самый кивот конечно драгоценным будет залогом для скита, украшенного именем великого отшельника.²⁹ «Не напоминать ли вам эти меловые утесы»,— спросил меня настоятель, ущелье св. Саввы, которое все пробито кельями отшельников? Вот и в наших скалах есть следы пещер прежних скитников; быть может и новые в них водворятся».³⁰

Действительно, в этих скалах есть нечто Саввинское плачевной юдоли, хотя местность совсем другая; там природа вооружилась всеми своими ужасами, для испы-

*Ковчег для мощей Вел. Арсения.
Передан А.Н. Муравьёвым в дар настоятелю
монастыря, архимандриту Арсению*

тания терпения подвижников, а здесь она роскошно осенила все ущелье богатою растительностью, приготовив малый Эдем для искателей безмолвия. По мере того, как мы подвигались по сосновой роще в глубь ущелья, оно все стеснялось пред нами, и наконец отвесная гора преградила всякий выход.

«Здесь, в этом углу, была некогда церковь скитская, сказал настоятель, которую перенесли, во время запустенья обители, в соседнее имение Шабельских; но теперь они с избытком заплатили нам, за бывшее наше наследие, устройением великолепной лестницы на скалу Святителя Николая. Тут же около церкви находится и усыпальница братская, как видно из потревоженной могилами земли».

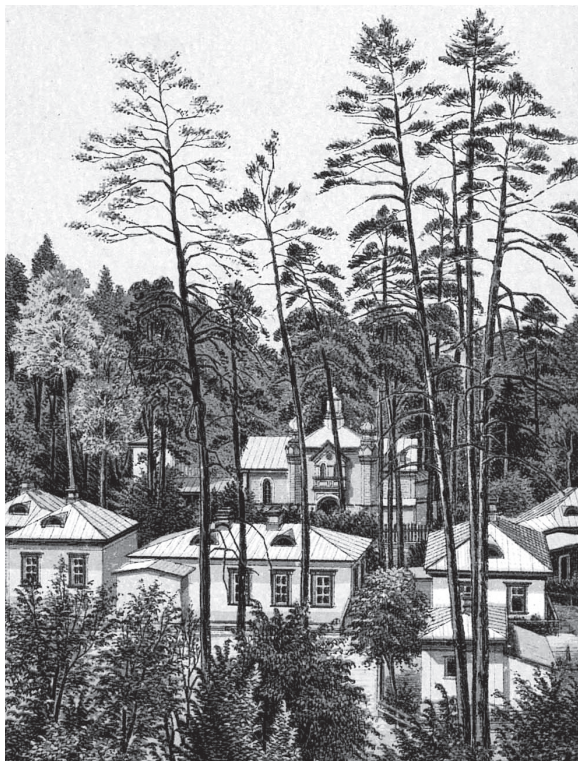
«Но отчего же не хотите вы соорудить здесь церкви, спросил я, на старом месте, которое освящено уже молитвою стольких подвижников?»

«Сам Архипастырь указал нам и уже освятил предназначенное место для церкви, у входа в скит, отвечал Архимандрит, и не следует переменять сего места* потому что так будет удобнее для любителей безмолвия. Приходящие извне, чтобы помолиться в скиту, не будут проникать далее в жилие отшельников и отвлекать их внимание; они же могут беспрепятственно пользоваться уединением сосновой рощи до самой глубины ущелья. Но здесь мы можем со временем построить малую кладбищенскую церковь, над могилами прежних и будущих отшельников, когда опять населится это святое место».

«Когда же это совершится?» – спросил я настоятеля. «Спросите о том владетельницу Святых гор», – с улыбкою отвечал настоятель, указывая на спутницу нашу. «Без нее мы не можем всего вдруг восстановить своими средствами. Благодарим

и за то, что уже сделано; главная теперь забота наша об окончании ограды, без которой не может существовать никакая обитель. На будущий год обещают нам построить деревянную, церковь и кельи в скиту; с утешением ждем их и надеемся, а скитники уже готовы, и вот один из них», – продолжал он, указывая на отца Г***, пришедшего после нас, уединенною тропою из обители. В приятной беседе неприметно спустились мы к нашей лодке; ожидавшие нас спутники сказали, что в наше отсутствие две больших змеи, которых много на этом месте, от скитского берега быстро переплыли пред ними на противоположный. Но они не страшны будущим скитникам, памятующим обетование евангельское: «змея возьмут; аще и что вредно испиют не вредить им».

Всенощное бдение заключило вечер этого дня, по случаю совершившегося ра-

Скит Вел. Арсения. Фото XIX в.

достного для всей России двадцатипятилетия венчания ее Помазанника.

– И мы в вечер сей, как и на следующее утро, за божественною литургиею в пустыни Святогорской, присоединили молитвы наши к тем, которые в то же время, при собрании всего царского семейства и синклита, возносились в присутствии самого виновника торжества, в первопрестольной его столице. Если не в Кремле, то конечно в этой пустыне, обновленной во дни его славной державы, отрадно было молиться, в такие минуты, близкие каждому русскому сердцу, которое утешается светлым царем своим пред лицом темного Запада. Я изумился стройности и благолепию служения в обители только что собравшейся, где все было ново, и здания и братия, а между тем казалось будто бы здесь никогда не прерывался древний чин и быт, от начала Киевского и Афонского.

На другой день, в четверток, собственно посвященный памяти великого Святителя Николая, я просил настоятеля, чтобы он сам отслужил литургию на вершине скалы и позволил мне нести образ Чудотворца по внутренним пещерам до верхней церкви. Рано утром, при пении стихир Богоматери и Святителю, мы взошли крестным ходом внутрь пещер, со свечами в руках и с обеими иконами, Пречистой Девы и Чудотворца. Усердствующие богомольцы сменяли друг друга, для их несения по крутому подъему, и в числе их был благоговейно подымавший святые иконы, с усердием, достойным сына Православной Церкви. Он оставлял в этот день Святые горы и потому еще ревностнее разделял свою молитву с православными. Во внутренней церкви остановились для чтения акафиста, который прочел наизусть сам настоятель, и умирительно было слушать

его в той самой церкви, где на столпе явилась икона Святителя и где долго был единственный дом молитвы для многих подвижников. Потом мы вышли опять на Божий свет, на темя скалы, при пении ликов, как бы воскресшие из недр земли, и литургия совершалась торжественно в обновленном храме.

Когда мы сошли со скалы в келью настоятеля, он сказал на прощание назидательное слово отходящему в путь диакону английскому, который был очень тронут этим изъявлением христианской любви. Архимандрит убеждал его: не отлагать на новые испытания благовременного общения с Православною Церковью, не ведая что принесет утрешний день, и в простоте духа засвидетельствовать устами истину догматов, коим уже уверовал сердцем и в которых заключается спасение наше. У П*** таилась своя религиозная, хотя до-

вольно отвлеченная мысль: искать присоединения, только при известных ему условиях, в епархии Филадельфийской Малой Азии, потому что Церковь сия была одною из семи Апокалипсических и сохранила непрерывное преемство своих Епископов, от времен святого Иоанна Богослова. В таинственных словах Господа к Ангелу сей Церкви, П***, казалось, видел некоторые черты сходства с нынешним состоянием не Римского Запада. Я просил его также спешить в эту Филадельфию, имя коей выражает по гречески братолюбие, или искать ее в лоне Российской Церкви, братолюбно отверзающей свои объятия приходящим к ней с верою и смирением. Все общество Святогорское провожало труженика английского, за двадцать верст от обители, до заштатного города Славянска, где недавно открылись минеральные воды серные и соленогорькие. Они успе-

ли прославиться во всей Украине, и к ним стекается за исцелением много семейств, из ближних и дальних губерний, потому что их целебные силы против золотухи и простуды уже испытаны; благотворный климат Украины дает им преимущество пред Старорусскими. Преосвященный Иннокентий называл их Силоамскою купелью и они открылись почти в одно время с духовною купелью Святогорскою; обе купели пользуют свойственные им недуги: одна телесные, другая духовные; купающиеся в Славянске приезжают по воскресным дням в Святые горы, и в эти дни не готовят даже ванн для болящих; молитва восстанавливает дух их, в то самое время, как обновляются их силы целебными водами.

По возвращении из Славянска, мне любопытно было видеть некоторые окрестности пустыни Святогорской, особенно

те, откуда открывались на нее лучше виды, и самый тыл лесистых высот, к коим она приникла. Поднявшись на крутую гору, около дома Потёмкиных, мы обогнули ее вершину, и за нею, в прилежащих оврагах,

Вид на монастырь с вершины горы, на которой планировалась постройка дворца князем Г. Потёмкиным Таврическим. (сейчас гора Артёма). Фото XIX в.

посетили сядь и пчельники монастырские и хозяйственные службы, где производятся все работы для постоянных построек по обители.

Все это кипело жизнью, и удивительно, как могла столь быстро возникнуть такая деятельность в сей пустыне.

Колодезь в виде артезианского, чрезвычайной глубины, ископан был там, где едва надеялись обрести воду; трехдневный пост наложил настоятель на всю братию, с усердною молитвою о даровании живительной струи, и благословил Господь успехом дело, начатое молитвою.

Отпустив лошадей близ вершины горы, вдвоем с настоятелем, поднялись мы, лесистою тропою, на самое темя Фавора, как называют свою гору пустынные жители ее, ибо и Фавор обозначен исключительно именем Святой горы, в посланиях Апостольских; потом спустились опять к гребню мелового утеса, там, где отделяется он из лесной чащи в подножие храму; Был вечер, и заходящее солнце багровыми лучами озарило пред нами ту же чудную

картину, которою мы восхищались в первый день. Теперь, сказал мне настоятель, я приведу вас в келью затворника, мимо коей мы прежде проходили два раза по многолюдству, ибо он никого не принимает, а вас примет только ради послушания. Благодарим Бога, что он послал нашей обители такое утешение, напоминающее нам о первых веках христианства, и мы это тем более ценим, что никто из нас в начале не хотел верить решимости затворника. Он пришел со мною в числе двенадцати человек, язь Глинской пустыни, я ничем особенным не отличался от прочей братии. Я назначил ему в последнее время послушание на гостинице, и он два года проходил, без всякого ропота, эту трудную должность, совершенно противоположную направлению его духа. Быть может сия непрестанная молва внушила ему ту жажду безмолвия, которая так решитель-

но окончилась затвором. После смерти старца духовника нашего Феодосия, который оставил по себе общее сожаление, бывший гостинник объявил мне свое неперменное желание заключиться в скале. Долго я ему отсоветовал, представляя всю духовную опасность такого подвизга, но он пребыл тверд в своем намерении. Чтобы удержать его, я сказал, что уже заключившись однажды, он не должен выходить из кельи в течении целого года и что я возьму к себе ключ от его двери: он и на то благодушно согласился и тогда я исполнил его желание, признаюсь, не без большего сомнения; братья открыто говорили, что и недели не просидит он в затворе, и даже после того ежедневно ожидали его выхода но так прошел целый год. Я посещал его не более раза в месяц; келейник приносил ему сухари и воду на несколько дней и похлебку в субботу и воскресенье.

На Пасху, в первый раз, он вышел в церковь, примыкающую к его келье, чтобы приобщиться святых Тайн: надобно было видеть общее изумление братии: недоверчивость обратилась в глубокое уважение, и с тех пор некоторые из старших избрали его своим духовником. Мы предложили ему сойди со скалы в общую трапезу он не согласился, и только сошел в келью своего послушника у начала лестницы; но и там, просидев один день, просился опять в затвор, потому что отвык беседовать с людьми. С тех пор, около полугода, опять подвизается в заключении, и только просил меня позволить ему выходить в прилежащий малый коридор, потому что ноги его пухнут от недостатка движения, но лицо его светло и свежо, как вы сами увидите, и я замечаю из его беседы зрелость в предметах духовных, какой в нем не бывало прежде; душа его созрела в без-

молвии. Господь помиловал его от сильных искушений, уныния и страхов ночных; он говорит, что едва находит время, в течение суток совершить, положенное им правило, акафисты, псалтырь и отеческие книги, чтение коих распределено у него по часам; только глаза слабеют от непрестанных занятий при свете лампы, потому что луч дневной едва проникает в его келью, сквозь малую скважину скалы; я дал ему часы, чтобы мог узнавать время; но пойдите, вы все сами увидите». Мы спустились внутрь скалы; келейник встретил нас с пучком зажженных свечей, в узких переходах внутреннего монастыря, и в заключенной келье; двери Ея отворились по молитвенному возгласу настоятеля. Затворник стоял, в мантии и епитрахили, у аналая, и совершал вечернее правило; взор его был спокоен и светел; лице не представляло никаких следов изнурения.

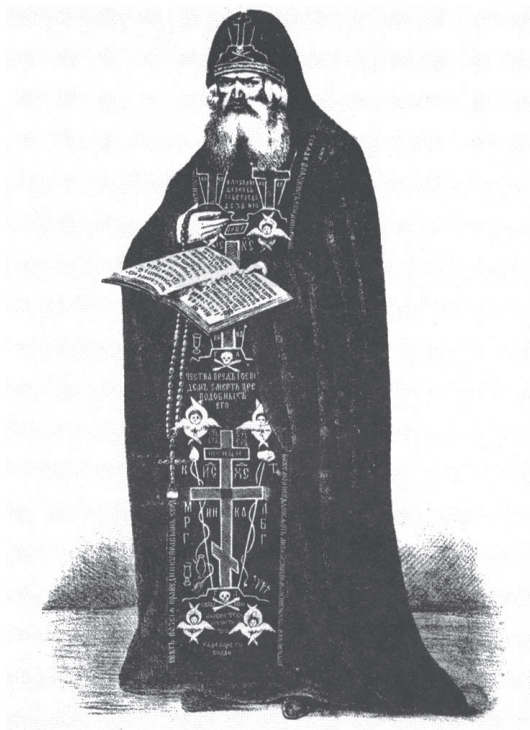
Я вспомнил отроков Вавилонских, которых пост не лишил обычной свежести пред лицом царя. При тусклом свете лампы окинул я взором келью: в ней едва ли была квадратная сажень; в восточном углу висели иконы; малая скамья служила для отдохновения днем, открытый гроб для ночного покоя; оставалось только закрыть его и довершено поприще затворника. Немного кратких речей обменяли мы друг с другом: я боялся нарушить его богомыслие и спросил только: «Не одолевают ли его иногда духи уныния и страхования ночные?». «Все возможно об укрепляющем нас Господе», – смиренно отвечал он, и я не смел далее вопрошать, просил лишь его молитв и благословения, и вышел из кельи, проникнутый чувством глубокого благоговения к такому подвигу и подвижнику. Признаюсь, когда мне случилось проходить в пещерах Киевских мимо

малых оконцев затворников с молитвою к их прежде бывшим жителям, мне приходила иногда тайная мысль; как могли они подвизаться целую жизнь в столь жестоким затворе? И вот я видел, собственными глазами, подобный же подвиг, но только в сердце каменной скалы вместо пещеры.

Когда мы вышли на Божий свет изнутри утеса, чтобы спуститься по внешней лестнице, луна уже серебрила густые ветви деревьев, нависшие с горы на этот величественный спуск.

Мы продолжали беседу нашу об иночестве и о той пользе духовной, которую могла принести обновленная обитель для всей окрестности, особенно при таких подвижниках.

Благодарение Богу, – сказал Архимандрит, – при всем недостоинстве нашем и при самом начале общежития мы уже видим плоды обновления Святогорского во

*Иоанн - Затворник Святогорский.
Прижизненный портрет*

всей Украине и даже на Дону: так сильно скорбели о давнем запустении святого места и так велика была жажда его обновления, что, при самом начале обители, как будто оживилась вся окрестность и толпами стали сюда стекаться из ближних и дальних стран, как-бы на Русский Афон, в короткое время собралось братства более ста человек; от одной искры вспыхнуло пламя. Благоприятно самое название, ибо все здесь как-бы заблаговременно освящено: кроме Святыхъ горъ, есть и святое место для скита и даже святым слывет озеро, где бывает наша рыбная ловли. И теперь, благодаря усердию владельцев места, мы имеем довольно обширную церковь над воротами, в ожидании собора; но до сего времени мы не знали, как управиться с народом в Успенский пост. Вы видели, как тесна старая церковь, а надобно было удовлетворять духовным потребностям

нескольких тысяч. Верите ли, что накануне праздника, пользуясь благоприятною погодою, мы исповедовали и приобщали народ под открытым небом, около церкви; потому-то не было возможности преподавать в ней святые тайны от тесноты и духоты. Несколько священников выходили с дарами к народу, за двери церковные как бы из алтаря, и поистине это было зрелище умилительное, напоминавшее первые века. Особенно обременен был исповедью покойный отец Феодосий, общий духовник обители, к которому все преимущественно притекали по его духовной опытности; его потеря для нас очень чувствительна, потому что он был монах в полном смысле этого слова. Если бы вы знали, сколько он принес пользы для одних военных, которые заезжали сюда, по дороге на Кавказ, и слагали здесь бремя греховное, иногда за несколько дней до кончины, их ожидав-

шей на поле битвы. Помню, сюда приехал однажды на несколько часов только, и то из любопытства, молодой офицер, который и не думал говеть, но, будучи поражен усердным говением народа, спросил: «Может ли и он приобщиться на следующее утро, потому что время не позволяло ему медлить?». Отец Феодосий усомнился допустить так скоро пылкого юношу до Святыхъ тайн, но впервые очувствовавшийся оказал духовнику: «Если теперь меня не причастите, то, может быть, мне не удастся более исполнить христианского долга», и ему оказали снисхождение; он уехал с чрезвычайным утешением и в последствии мы слышали, что в первом деле с горцами был убит. И так нечаянное, краткое посещение Святой горы открыло ему врата вечной жизни, и сколько бы таких еще неведомых нам случаев можно было насчитать! Да и простой народ, ко-

торый не всегда может найти в сельских церквах опытных духовников, не обретает ли здесь, при более свободном времени, и более назидания в исповеди у наших старцев, которые отчетливо спрашивают, у каждого, не только о его грехах, но и о вере, проясняя по мере возможности мрак неведения сих младенчествующих сынов Церкви. Вот истинная польза всякой обители и нашей еще более, потому что она единственная на обширном пространстве Украины, и к ней уже искони привыкло благочестие народное».

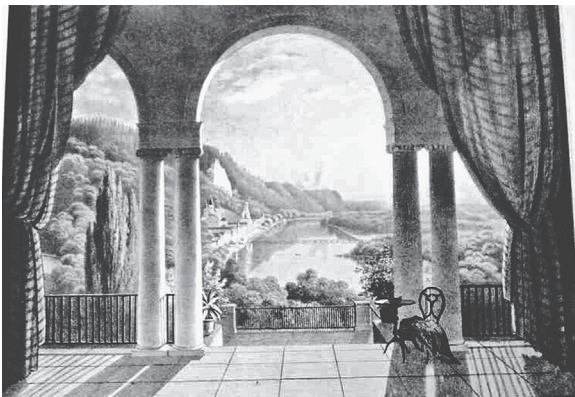
Хотя было поздно, но по моему желанию настоятель вывел меня из ограды на усыпальницу братскую, чтобы поклониться могиле знаменитого Архимандрита Рафаила, память коего многими почитается и доселе.³¹ «Здесь была некогда кладбищенская церковь во имя верховных Апостолов, сказал Архимандрит, и с помо-

щью благотворителей надеемся ее опять соорудить на этом погребальном холме. Мы было хотели тут устроить часовню, для непрерывного чтения псалтыри, но не решились оставлять в пустом месте одинокого брата, дабы не искусился он страхованиями ночными; ибо здесь мимо ходящие видали иногда тусклые огоньки над кладбищем. Теперь псалтырь читается у нас в келье при святых вратах». И действительно, подходя к ним, увидели мы слабый свет в одной келье и старца, стоящего на неусыпном бдении, за упокой усопших. Как умиротелен этот древней обычай некоторых обитателей Православной Церкви, материнскою любовью объемлющей живых и мертвых!

На утро, в день субботний, исключительно посвященный памяти Богородицы, совершен был торжественный акафист, по чину Афонскому, перенесенному и на сию

Святую гору. Настоятель сам читал на распев первые песни канона, как это бывает там в лаврах Болгарских, и диаконы кадили кругом церковь, с Сионами, наподобие храмов, на плечах. Много таких Сионов сохранилось в древних ризницах соборных, и жаль, что этот величественный обряд исполняется теперь только в немногих древних обителях. После литургии мы опять поднялись на горы и подъехали к тому месту, где некогда хотел построить свои пышные палаты великолепный князь Тавриды, как его называл в своих одах певец Фелицы.³² Лесной берег глубокими обрывами спускается к Донцу и обширные виды открываются во все стороны, но мне более нравится нынешняя местность дачи владельцев Святогорья.³³

Очаровательный вид представляется с их террасы картиною, а не панорамой, как с места избранного светлейшим; там

*Вид с галереи дома Потёмкиных на монастырь
(с литографии XIX в.)*

более простора для глаз, но менее живописного, и как различны были побуждения при основании обоих жилищ: для одного закрыта была древняя обитель, другое же возникло только по случаю ее обновления, потому и благословил Господь сооружение сего мирного жилища, предав запустению гордые начатки первого.

Пешие спустились мы к селу Богородицы, где ожидала нас лодка, чтобы плыть вверх по Донцу, в плодовитый сад, принадлежавший некогда монастырю. Живописно было течение реки между берегов, поросших лесом; правая нагорная сторона, с меловыми утесами, местами представляла чудное зрелище, горы иногда возвышались уступами одна за другою, иногда раскидывались амфитеатром около своенравных изгибов Донца. Видно было по кельям, пробитым в меловых утесах, что святое место сие было некогда заселено пустынноиками, которые имели средоточием главный утес Святогорский с его церковью.

Сад в чаще леса, богатый яблонями и грушами, с минеральным источником, представлял готовое место для уединенного скита, где отшельники могли питаться плодами. Есть еще несколько таких садов

*Вид меловой скалы с пещерами
и Николаевской церковью. Фото XIX в.*

вдоль по берегу реки, и замечательно, как вся природа Святогорская будто нарочно создана для обитания иноческого.

Нам желательно было слышать воскресную всенощную, на вершине утеса, в церкви Святителя Николая, и настоятель, обрадованный приездом владельца Святогорья, хотел доставить нам полное утешение. Мы поднялись в вечернем сумраке на темя скалы; многие остались слушать божественную службу, на открытом рундуке около церкви; иногда выходил я подышать свежим воздухом, и отрадно было смотреть с этого балкона внутрь храма, ярко горевшая светом лампад, и вниз на глубокую долину Донца, кое где освещенную огоньками; казалось служба совершалась не на земле и не земные слышались лики из Божьего дома. Когда же окончилась и мы вышли опять на террасу, вся она была освещена разноцветными огнями которыми унизали острия утес-

сов и купол малой церкви и уступы длинной лестницы, так что снизу вся скала представлялась одним пламенным столбом. Полная луна, поднявшаяся из-за лесной чащи подле самой главы церковной, небесным светом дополнила красоту земного. Все богомольцы в пустыни приятно изумленные нечаянностью такого освещения, поспешили за мост на противоположный берег Донца, чтобы оттуда еще лучше полюбоваться чудным видом горящей скалы и лунным столбом, который отражался во всю ширину реки. С дачи Потёмкиных еще иначе представлялась сия картина: в чаще леса, как бы огненным и ступенями, восходила величественная лестница от земли на небо.

А заключенный в скале отшельник, подумал я, молится теперь внутри ее, как бы во гробе, и не ведает что около него совершается; до него не доходят голоса восходящего и нисходящего народа, хотя

лестница близка к его келье; но звуки не проникают сквозь толщину камня, и в его узкую щель не видно блеска огней, венчающих гребень утеса, который заживо избрал он себе могилой! Вот истинное отречение от мира, столь противоположное нашим житейским суетам. Воскресная литургия, с напутственным молебном, совершена была по моей просьбе настоятелем, опять в пещерной церкви преподобных Антония и Феодосия. Так, после семидневного пребывания, с молитвою оставил я Святые горы, исполненный их сладкими и священными впечатлениями, которые никогда не изгладятся из моей памяти и сердца.³⁴

Комментарии к тексту «Святые Горы»

¹ Образное выражение автора о Луне как знамени ислама в этих краях следует отнести к XIV-XV вв., когда в придонских степях властвовала Золотая Орда и образовавшееся на ее осколках Крымское ханство. Торговые пути вдоль Донца, административно-ремесленные центры XIV в. и татарские кочевья XV в. сопровождались проникновением ислама на эту территорию. Свертывание этой тенденции наблюдается с начала XVI в. с активизацией внешнеполитической деятельности Московского государства, обустройством станично-сторожевой службы и замещением татарских кочевий отхожими промыслами нового военного сословия – казачества.

² Под «белым призраком» и «таинственным исполином» А.Н. Муравьев подразумевает природное образование – меловой

утес, внутри которого ископаны пещеры, а вершина венчается крестом, т.е. храмом св. Николая.

³ Село Богородица – в настоящее время село Богородичное Славянского района Донецкой области, расположенное на берегу Донца в пяти километрах от монастыря. Основано в 1713 году украинскими слобожанами на землях Святогорского Успенского монастыря. После закрытия монастыря и секуляризации земель в 1787 году, село Богородичное отписано в государственную казну, а с 1790 года перешло в составе Святогорского имения к князю Григорию Потёмкину-Таврическому (подарок императрицы Екатерины II).

⁴ Станция Голая Долина – современное село Голая Долина Славянского района Донецкой области, расположенное на трассе Ростов-Харьков.

⁵ Церковь Покрова Пресвятой Богородицы была построена в 1850 году по про-

екту харьковского архитектора А. Тона. Над храмом устроена колокольня, составляющая с храмом одно целое. В настоящее время Покровская церковь с колокольней отнесена к памятникам архитектуры XIX в. национального значения. В отличие от XIX в., храм в интерьере расписан современной живописью по штукатурке. Является действующим храмом Свято-Успенской Святогорской Лавры.

⁶ «владелица Святых Гор» – Татьяна Борисовна Потёмкина (1797-1869), урожденная княгиня Голицына – супруга А.М. Потёмкина, которому принадлежало Святогорское имение, некогда подаренное князю Г. Потёмкину. Т.Б. Потёмкина проживала в Петербурге, но ежегодно посещала Святые Горы, как правило, в августе или в мае, как в данном случае. Несмотря на то, что юридически имение принадлежало мужу, истинной владелицей Святых Гор считалась Т.Б. Потёмкина. Её стараниями

была возобновлена Святогорская обитель в 1844 году и произведены грандиозные работы по строительству новых храмов и других объектов монастыря: Покровской церкви с колокольней (1847-1850 гг.), Успенского собора (1859-1868 гг.), Преображенской церкви (1864 г.), монастырской ограды (1850-51 гг.), построек скита Вел. Арсения и Больничного хутора с церковью во имя иконы Ахтырской Божьей Матери (1865), отдельных сооружений келейного и гостиничного двора (1845-1850). Некоторые проектные разработки по реконструкции монастырского комплекса хранились долгое время в родовом имении князей Голицыных в Артеке, которое находилось в наследственном владении Т.Б. Потёмкиной (Голицыной).

⁷ «Живописная дача в полугоре» – усадьба Потёмкиных, построенная в Святых Горах в 1842-1843 гг., после перехода Святогорского имения в наследственное

владение А.М. Потёмкина. Дом Потёмкиных в Святых Горах был построен по образцу итальянской виллы: двухэтажный, с двумя ризалитами и парадной лестницей. Выражение автора «в полугоре» означает, что усадьба была построена на склоне холма, выступающего своей северо-западной частью над рекой, вследствие чего открывался необычный вид на монастырь, запечатленный во множестве полотен известных художников. Одна из самых популярных литографий XIX в. с видом на монастырь с галереи Дома Потёмкиных приведена в настоящем издании.

⁸ Архимандрит А*** – архимандрит Арсений (в миру Алексей Митрофанов) – первый настоятель Святогорского монастыря с момента его возобновления в 1844 году. Уроженец г. Ливны Орловской губернии, Алексей был выходцем из купеческого сословия. По благословию Серафима Саровского был принят в 1832 г. в Глин-

скую пустынь (сейчас Ставропигиальный мужской монастырь Рождества Пресвятой Богородицы Глинская пустынь находится в г. Глухове Сумской обл.). В 1833-1834 гг. послушник Алексей Митрофанов постигает духовный опыт иноческой жизни в монастырях Иерусалима, Синая, Афона. Вернувшись в Глинскую пустынь, Алексей находится под началом игумена Филарета (Данилевского), пострижен в монахи и рукоположен в иеродиаконы в 1839 г., в иеромонахи – в 1841 г. В 1844 году по приглашению Т.Б. Потёмкиной перешел, в числе 12 монахов из Глинской пустыни во вновь открывшуюся Святогорскую пустынь и возглавил ее в сане игумена. С помощью Потёмкиных и других ктиторов монастыря, архимандрит Арсений осуществил масштабную реконструкцию монастырского комплекса в течении пятнадцатилетнего периода руководства Святогорским монастырем. Почил в октябре

1859 года и захоронен был в древней пещерной усыпальнице меловой скалы.

⁹ Начало обители действительно покрыто тайной. Первые свидетельства о Святых Горах датируются 1526 годом, правда, как сторожевого поста у переправы через Донец. К 1620 г. относятся первые упоминания Святогорского монастыря, как обители, получившей жалованную грамоту от царя Михаила Федоровича и святейшего патриарха Филарета. Сами пещеры в меловой скале ископаны вероятнее всего в более ранний период и имеют различные гипотезы о дате и обстоятельствах возникновения. (Подробнее см. Дедов В.Н. Святые Горы. От забвения к возрождению. – Изд.2. Славянск: Печатный двор, 2004, с.19-27).

¹⁰ Здесь и далее автор описывает пещеры меловой скалы после их ремонта и «музеефикации» архимандритом Арсением (Митрофановым) во II-й половине

40-х гг. XIX в.

¹¹ «Тайный ход к Донцу», о котором упоминает А.Н. Муравьев и закладка его в XIX в. настоятелем Арсением, были исследованы в период реставрации пещер в 1983-1986 гг. Это оказался первоначальный вход в пещерный монастырь на уровне основания меловой скалы. Этот вход показан на схематическом рисунке монастыря 1679 года, составленном архимандритом Иоилем и хранящимся в Российском архиве древних актов в Москве.

¹² Автор описывает древний пещерный храм на втором ярусе пещер меловой скалы, который сохранился до настоящего времени и именуется Иоанно-Предтеченским. В период посещения храма писателем, церковь именовалась малой церковью св. Николая и имела несколько иную архитектуру, нежели сейчас. Легендарный столб, на котором по преданию была обретена чудотворная икона св. Ни-

колая был тогда открыт со всех сторон и обращал на себя внимание как центральный элемент пещерного храма. В настоящее время к столбу пристроены стены, отделившие алтарную часть с престолом. По стенам местами выложены мозаичные изображения.

Традиционно считается, что пещерная Иоанно-Предтеченская церковь была первым храмом обители в меловой скале и, следовательно, первоначально именовалась Успенской церковью. Впоследствии, в 1634 г. была устроена новая Успенская церковь на верхнем ярусе пещер и древний храм был переименован в Николаевский, о чём и свидетельствует сам А.Н.Муравьёв.

¹³ Исследования Николаевской церкви на меловой скале подтвердили вывод А.Н. Муравьёва о том, что храм «полуизсечен», «полудостроен». Алтарная часть церкви носит пещерный характер и свидетельствует о существовании здесь ра-

нее пещерной церкви, предположительно, во имя Успения Пресвятой Богородицы (1634 г.). После разрушения верхней части утеса от этого храма осталась лишь алтарная часть, к которой была пристроена кирпичная часть. Храм возведен в традициях деревянной народной архитектуры XVII-XVIII вв. в стиле «украинского барокко» и в настоящее время является наиболее ценным историческим и архитектурным памятником Святогорской Лавры.

¹⁴ Автор посетил пещеры в 1851 году, когда Иоанн Затворник уже устроил себе келью в пещерах меловой скалы, где пробыл в затворе 17 лет, до своей кончины в 1867 году. Канонизирован в 1995 году.

¹⁵ Гипотеза об основании Святогорского монастыря монахами Киево-Печерской Лавры после разгрома обители татаро-монголами в 1240 г., родилась в I половине XIX в. в среде священнослужителей, однако до настоящего времени научного

подтверждения не получила.

¹⁶ Это пожелание автора было исполнено построением часовни в честь Андрея Первозванного в 50-х гг. XIX в. В настоящее время Андреевская часовня на вершине меловой скалы является памятником архитектуры национального значения.

¹⁷ Под Ш*** кроется имя Екатерины Васильевны Шабельской, иждивением которой была построена в 1850-51 гг. Кирилло-Мефодиевская лестница от Успенского собора до Николаевской церкви на вершине скалы.

¹⁸ А.Н. Муравьев описывает здесь усыпальницу нижнего яруса пещер, которая сохранилась в несколько видоизмененном виде до настоящего времени. Кроме погребальных ниш описанных автором, была обнаружена в ходе исследовательских работ еще одна могила, но не в стене, а в полу погребального Г-образного коридора. Погребенный был захоронен по

христианскому обряду с иконой на груди, которая полностью истлела. Череп погребенного имел сквозную рубленную рану, нанесенную острым предметом, возможно, саблей. Обнаруженное в 1985 г. захоронение не было известно как возобновителям монастыря 1844 года, так и после закрытия монастыря в советское время (1922 г.) и потому не пострадало во времена воинствующего атеизма. Предположительно датируется XVII веком.

¹⁹ Святогорский монастырь фактически был закрыт в августе 1787 года, а его земли и имущество были отписаны в казну, в управление казенным имуществом Екатеринославского наместничества. Закрытие проводилось директором экономии этого наместничества Ф. Корбе на основании ордера, подписанного самим князем Григорием Потёмкиным. В 1790 г. владения Святогорского монастыря были подарены императрицей Екатериной II князю По-

тёмкину.

Возобновление монастыря состоялось в 1844 г. согласно воле императора Николая I в имении Потёмкиных под наименованием Святогорская Успенская общежительная пустынь. С этим наименованием монастырь просуществовал до лета 1922 г., после чего по решению Ревтрибунала (суда) Донецкой губернии был закрыт с изъятием имущества. В его корпусах в декабре 1922 года был открыт Дом отдыха для трудящихся, который просуществовал 80 лет (в декабре 2003 г. правопреемник Дома отдыха – санаторий им. Артёма прекратил своё существование). Возобновление деятельности Святогорского монастыря относится к 1992 году. В 2004 г. Свято-Успенский Святогорский монастырь решением Святейшего Синода УПЦ получил статус Лавры.

²⁰ Синодик (Помяник) Святогорского монастыря датируется 1710 годом и в

своей вводной части имел историческое повествование о начальной истории монастыря. Многие исследователи, в том числе академик Д.И. Багалей, изучали этот исторический источник и приводили выдержки из него в своих трудах. К сожалению после закрытия монастыря в 1922 году следы Синодика теряются и его местонахождение сейчас неизвестно.

²¹ В 1788 г. принято решение Белгородской консистории, в ведении которой находился Святогорский монастырь, о его закрытии, но фактически он не существовал с сентября 1787 года, как показано выше.

²² Успенский собор XVIII в., построенный на средства полковника Изюмского полка, а в последствии бригадира всех Слободских полков Ф. Шидловского сохранить не удалось. В 1867 году, по завершении строительства нового Успенского собора по проекту архитектора А.М. Гор-

ностаева, старый собор был разобран. На месте алтаря старого Успенского собора была сооружена часовня, однако и она не сохранилась после закрытия монастыря в 1922 г.

²³ Имеется в виду Дом Потёмкиных, в котором поселился автор, будучи хорошим знакомым Т.Б. Потёмкиной.

²⁴ Подземная церковь пр. Антония и Феодосия освящена в честь святых киево-печерских в 1846 году. Как именовался этот храм в предыдущий период – неизвестно. Официально памятник истории и архитектуры «Подземная церковь пр. Антония и Феодосия» датируется XVII веком. Правильность внутреннего расположения церкви и отделки, на которые указывает А.Н. Муравьёв могли быть следствием реконструкции и благоустройства пещеры после ее открытия в 40-х гг. XIX века.

²⁵ В 1851 году уже были захоронения при церкви пр. Антония и Феодосия:

генерал-майора Иловайского Г.Д., атамана Войска Донского, графа М.И. Платова, князя Б.А. Куракина, поручика Левина. Перед входом в подземную церковь в 1850 г. был погребен духовник монастыря, иеромонах Феодосий.

²⁶ Исследования 1989 года, проведенные в скиту показали, что земляной вал имеет естественное (природное) происхождение и использован в последствии для организации ограждения скита и оборонительных задач. Вместе с тем, разрез вала и закладка шурфов на самой территории скита показали наличие культурного слоя и планировку сооружений только XIX века.

²⁷ Скит во имя св. Арсения действительно вскоре был устроен. Построена и освящена каменная церковь во имя Вел. Арсения, несколько деревянных келий, трапезная. В скиту находилось до 30 чел. монашествующих во главе с начальником

скита.

²⁸ Богу было угодно, чтобы настоятель обители, архимандрит Арсений окончил свои дни вне скита и был похоронен в пещерной усыпальнице мелового утеса, в специально изготовленной для него нише.

²⁹ Упомянутый автором ковчег для мощей Вел. Арсения находился до 1913 г. в церкви Вел. Арсения в скиту, после чего как исторический памятник был передан Харьковскому епархиальному музею. В настоящее время ковчег хранится в фондах Харьковского исторического музея.

³⁰ Действительно, по монастырским документам XVIII в. здесь уже находился скит Святогорского монастыря и отшельнические кельи. В период исследовательских работ 1989 года была открыта и зафиксирована рядом со скитом одна из склеп-келей раннего периода. Другие пещеры, по свидетельству источников XIX

в. были ископаны послушниками во II-й половине XIX в.

³¹ Архимандрит Святогорского монастыря Рафаил Мокренский был погребен на кладбище у подножия меловой скалы в 1765 г. при церкви св. апостолов Петра и Павла. За два года до этого архимандрит Рафаил закончил строительство этого храма, освящение которого состоялось в 1763 г. архиепископом Белгородским и Обонянским Мисаилом. Рафаил Мокренский до настоятельства в Святогорском монастыре был префектом Харьковского Коллегиума и одно время занимал должность ректора этого высшего учебного заведения Слободской Украины.

³² А.Н. Муравьев имеет ввиду вершину горы, где ныне находится Мемориал Великой Отечественной войны и памятник Артему (Сергееву Ф.А., 1927 г. скульптор И.П. Кавалеридзе). Именно на этой вершине меловой горы князь Григорий По-

тёмкин планировал возвести свой дворец, но неожиданная смерть князя в 1791 г. не дала осуществиться этим планам.

³³ В настоящее время точно установлено место нахождения Дома Потёмкиных. Это небольшая площадка к востоку от с. Татьяновка Славянского района. Проведенные в 2004 году архитектурно-археологические изыскания позволили обнаружить и зафиксировать фундаменты домостроения и отдельные участки первого этажа (каминный зал). На основании исследований разработан проект восстановления усадьбы Потёмкиных в составе дома и двух флигелей.

³⁴ По описаниям событий, участником которых был А.Н.Муравьёв, можно предположить, что его семидневное пребывание в Святых горах приходится на 6 – 12 мая 1851 года.

А. Н. Муравьев

Письмо В
С.-Петербург

Святые горы
27-го Мая 1858 года

Печатается по: Святогорская
Успенская общежительная
пустынь. - М.: тип. Бахметьева
на Малой Дмитровке. - 1868,
с. 150-155.

По этому листочку, который выпадет из моего письма, вы убедитесь, любезный теска, что я исполнил сердечное поручение ваше и помолился над гробом вашей матери, и, во свидетельство сему, сорвал листок с дубка, растущего возле ее могилы. Счастливее вы других давних жителей Святых горъ! Вчера приезжал сюда Пресвященный Антоний Кишиневский, на пути из Оренбурга в свою новую епархию; ему хотелось поклониться праху своих родителей, ибо отец его служил здесь диаконом при бывшей Богородицкой церкви, до обновления обители Святогорской; но когда сам, отслужив панихиду в соборе, пошел он на кладбище, с прискорбием увидел только один насыпной холм без различая могил, все уравнило время!¹ Вчера мы слышали еще одну умильную панихиду в пещерной церкви Антония и

Феодосия: это была годовщина Архиепископа Иннокентия, службу совершал соборно Архимандрит, и совершенно нечаянно избрал сию подземную церковь для ранней литургии, а между тем эту лишь одну, во всей обители Святогорской, церковь освятил сам Иннокентий!² Когда шел он освящать крестным ходом, внезапно поворотил к могиле почивающего пред ее входом столетнего инокa Мафусаила, который указалъ сию пещеру, по старой памяти время минувшихъ. «Помолимся прежде о нашем летописце Святых гор», сказал Преосвященный: «Ему мы обязаны сохранением пещерного храма», и отслужил над могилою его панихиду, как и теперь соборно; ее отпели в память обновителя Святых гор. Я описываю вам эти подробности, зная, как вы уважаете память покойного Архиепископа. Архи-

мандрит Арсений сказывал мне, что в последнее свое посещение обители, когда возвращался с коронации Преосвященный Иннокентий уже предчувствовал близкую свою кончину и, прощаясь с братьею, во Святых вратах, поклонился до земли настоятелю и всему братству, прося себе прощения, если чем их оскорбил во время управления епархиею; потому что, присо-вокупил он: «Мы уже не свидимся более в земной жизни».

Что вам сказать о Святых горах? Они вам довольно знакомы, и я уже высказал свои впечатления в первом моем описании, но здесь столь многое говорить сердцу и воображению, что всего, кажется, и не выскажешь. Отраднo благоговейное служение в пещерных церквах, и невольнo потрясается сердце при выходе из скалы, когда, еще исполненный звуками

божественных песней, внезапно встречаешь пред собою самые чудные виды: и мирный Донец в его глубокой долине, окованный отовсюду меловыми утесами, и необозримую лесную дебрь, как море зелени, на окраине коей белеются опять меловые горы. Не могут довольно насытиться такими видами взоры, от них отвыкшие, после однообразия северных равнин. Всею роскошью южной природы дышит этот чудный оазис, как бы отрывок иной, лучшей страны, нечаянно брошенный в сию пустыню. Роскошно встретила пришельцев севера благодатная весна, какой давно здесь не запомнят, освежаемая шумными дождями и частыми грозами, после коих благоухает воздух ароматами тополей, лип и белых акаций. Мы дышим эту чудной атмосферой на Святых горах и не можем довольно надышаться. Всю

эту ночь шумела страшная гроза: раскаты грома отзывались в горах, и все небо сверкало молниями, но я не мог решиться закрыть окна от теплоты благорастворенного воздуха, и любовался прозою стихий с высокого моего терема, а вчера опять нельзя было закрыть окна на ночь, чтобы не лишиться себя последней весенней песни соловьев, одушевляющих росистую украинскую ночь.

Вы не узнали бы обители Святогорской: так она расширилась и процвела в короткое время; я и сам тому подивился на расстоянии семи лет. Уже и белая ограда широко раскинулась, опускаясь и подымаясь по зеленым горам. Честь и слава отцу Архимандриту Арсению: что великий строитель, и можно сказать, что ему обязана своими существованием обновленная обитель при скудных ее средствах;

он умел привлечь к ней не только всю Украину, но и самый Дон, и ничем более как приветливым обращением и благолепною службою. Сегодня Господь сподобил меня приобщиться внутри, скалы в церкви Предтечи, где некогда обретен был, на меловой скале, чудный образ Святителя Николая. Соборне совершал литургию сам Архимандрит, и с нами молился схимник затворник Иоанн, который уже семь лет спасается чудным подвигом в сердце скалы. Его келья, иссеченная в камне, примыкает к алтарю пещерной церкви. Отрадно было молиться в этом храме, утаенном от взоров человеческих внутри скалы. Никогда не слыхал я столь умилительного пения херувимской песни, на глас «благобразный Иосиф». Из всех служб, которые ежедневно совершались, то на скале, то в пещерной церкви Чудотворцев Печер-

*Настоятель монастыря, архимандрит
Арсений (Митрофанов). Фотопортрет XIX в.*

ских, всех утешительнее для меня была сия литургия в сердце камня, близ келий затворника, который напоминал собою времена давно минувшие Египта и Палестины и нашего родного Киева. Знаете ли, что обитель Святогорскую можно назвать миссионерскою, в полном смысле сего слова, для целого края? Теперь, в Петров пост, всякий день сюда стекаются поклонники для говенья, а в Успенский число их удесятерится. Не только по субботам и воскресеньям, но ежедневно в будни, во всю неделю, по двести и по триста человек приобщаются в соборной церкви или за раннюю обедню на вершине скалы. Народ собирается за двести и более верст чтобы только поговорить на Святой горе, хотя имеет свои сельские приходы. Вот что значить свешенное предание старины и обитель иноческая, вовремя на своем ме-

сте устроенная! Это живой катехизис для целого края. Давно ли обновились Святые горы, о уже как широко распространился круг их действий!

Архимандрит показал мне на верху скалы часовню во имя ангела моего, Первозванного Апостола, с его иконою вью углублении утеса, как это обещал мне устроить за семь лет пред сим. Пред иконою горела лампада, а на скале написано большое распятие с предстоящими, которое издалека видно с противоположного берега. «Вы видите, что мы сдержали данное вам слово», сказал он «и место это слывет у нас Андреевской часовнею».

Меня изумила позолота крыши и всех глав верхней церкви Николая Чудотворца, которая ярко горит от солнечных лучей и придает много красоты всей обители, как выпранный ее венец на темени гор.

Андреевская часовня. Фото XIX в.

«Откуда столько золота?» спросил я Архимандрита, «или вы очень разбогатели в эти семь лет?» – «Нет», отвечал он: «но не без добрых людей на свете. Приехала к нам больная помещица, подняла икону Чудотворца на скалу и почувствовала облегчение; призвала она меня в гостиницу и стала давать все радужные ассигнации. Я изумился; потому что не ожидал такого подаяния. – «Вот вам две тысячи рублей», сказала она, «но с одним условием, чтобы вы это употребили на позолоту верхней церкви Святителя». – Сколько я ни представлял ей, что есть другие нужды в обители, она настоятельно требовала, чтобы выполнена была ее воля. И это случилось не без промысла Божья, потому что, когда стали переменять листы на крыше, оказалось, что дерево совершенно подгнило, и необходимо было ее исправить. Таким

образом этот нечаянный случай послужил не только на украшение, но и на пользу обители».

Я спрашивал Архимандрита, записывает ли он такие случаи, которым бы следовало вести дневник. Он отвечал, что нет, хотя довольно бывает исцелений. «Иначе что могло бы привлекать столько народа из далеких стран к священной скале сей? Если бы все записывать, подобную запись могли бы принять за желание прославить нашу обитель, а нам это не нужно: она довольно известна, мы же сами живем в простоте, по пустынному. Недавно одна девушка просила поднять икону Святителя на скалу. Спросил ее один из братии, о чем она плачет. — «Как мне не плакать?» отвечала она, «несколько лет не могла я двинуть ногами; когда же дала обет поклониться иконе Святителя на скале, внезапно почувствовала облегчение,

так что могла идти в дорогу, я даже, как видите, взойти, на скалу». – Но братья не догадалась даже спросить, откуда эта девушка, чтобы вернее засвидетельствовать бывшее чудо. Господь в свое время являет чудеса, когда это нужно», Скажу вам, как святогорцу, принимающему живое участие в обители, что в одном лишь не мог я согласиться с ее настоятелем: это в выборе места под холодный собор, который теперь есть главная цель его желаний; Архимандрит хочет непременно иметь обширную церковь для помещения всех богомольцев в Успенский пост, и готовь жертвовать местностью для исполнения своей цели; а мне кажется, что такой собор, если он закроет устье пещер, то задавит собою всю обитель.³

Я советовал ему углубить новый собор далее в гору, и сделать его как можно легче, чтобы соответствовал прочим зданиям,

*Проект нового Успенского собора.
Фасад. Арх. А.М. Горностаев. 1858 г.*

и не гоняться слишком за простором, который могут доставлять терраса и хоры при меньших размерах храма, а колокольню поставить на задних воротах столпообразную. Еще не знаю, чем окончится наше прение. Церковь в скиту уже отстраивается, во имя великого Арсения, и это будет самый отрадный приют для любителей безмолвия иноческого.

Вот вам мой отчет о Святой горе.

Комментарии к тексту письма.

¹ Имеется ввиду старое монастырское кладбище XVIII века под меловой скалой. После закрытия монастыря в 1787 году памятники кладбища и другие свидетельства мемориального характера были утрачены, за исключением отдельных памятных плит, в частности о строительстве и освящении Петропавловской церкви в 1763 году. Эти плиты экспонируются в настоящее время в историческом музее Святогорского историко-архитектурного заповедника. Само кладбище частично было утрачено при строительных работах в западной части архитектурного ансамбля в XIX, затем при строительстве водолечебницы санатория и подпорных стен в XX в. под меловой скалой. Небольшой участок кладбища сохранился только к юго-западу от Западной Башни оградительной стены.

² Архиепископ Иннокентий (Борисов) 1800-1857. Поставлен на Харьковскую кафедру в декабре 1840 года. Как правящий архиерей принимает самое активное участие в подготовке вопроса об открытии Святогорского Успенского монастыря и его благоустройении. В 1848 г. владыка Иннокентий переведен на Херсоно-Таврическую епархию. Известный проповедник, член Российской академии (1836), Святейшего синода (1856). В 1997 г. причислен к лику местночтимых святых Одесской епархии.

В харьковский период архипастырского служения неоднократно издавались его беседы и поучения, в том числе произнесенные в период посещения Святогорского монастыря:

- Слово, сказание в приходской Успенской церкви в Святых Горах (бывший Успенский собор монастыря) 21 августа

1842 г.

- Слово, сказанное в Николаевской церкви на скале 22 августа 1843 г.

- Речь, сказанная при принятии от Киево-Печерской лавры в Святогорский монастырь иконы Успения Пресвятой Богородицы со святыми мощами 14 августа 1844.

- Слово в день открытия Святогоской Успенской общежительной пустыни 15 августа 1844 года.

- Слово, обращенное к монашествующим и пастве на скале Святогорской 17 августа 1844 года.

- Слово, обращенное к монашествующим и пастве в день св. Николая в Святогорском монастыре 9 мая 1845 г.

- Слово при освящении восстановленной подземной церкви в Святых Горах в честь преподобных киево-печерских Антония и Феодосия 30 августа 1846 г.

³ А.Н. Муравьёв пишет о планах на строительство нового Успенского собора в Святогорском монастыре. К моменту посещения Святых Гор автором, в мае 1858 года, проект собора, разработанный академиком архитектуры из Петербурга А.М. Горностаевым был уже готов, прошел необходимые согласования и утверждения. Тогда же было получено разрешение на строительство собора, поэтому от мнения А.Н. Муравьёва практически уже ничего не зависело. Собор был возведен в течении 1859-1868 гг. на запланированном месте с расширением площадки под строительство. Тогда пришлось пожертвовать частью пещерного хода и устроить новый павильон для входа в пещеры меловой скалы. Старый Успенский собор был разобран в 1867 г.

А. Н. Муравьев

Несколько слов
В память
Т. Б. Потёмкиной

Некролог

Киев.
В тип. И. и А. Давиденко аренд.
С. Кульженко и В. Давиденко.
1869

Татьяны Борисовны не стало! – Не надобно чего либо еще прибавлять к сему имени, чтобы понять о какой горькой потере идет речь: потому что это простое Христианское имя, без всяких громких титулов, более многих известно было во всех высших сферах общества, и весьма народно в низших слоях, где переносилось из уст в уста, как бы некое благословение свыше. – Оно было славою нищих, по выражению церковной песни, ибо никогда не зывали к нему нищие безответно: вот слава достойная зависти! – И не одни лишь убогие находили у нее утешение; нет, и недужные и заключенные в узах темничных встречали в ней своего Ангела утешителя; последние нередко и освободителя, если только это было в её силах, словом заступничества или выкупом, иди теплым ходатайством даже пред лицом Царевым, ибо все сердца и все двери были ей отверсты! – А многочисленные храмы и обители, сооруженные

или украшенные Ея щедротами! – А чающие просвещения веры, от всех языков и исповеданий которых воспринимала от купели в своей домово́й церкви! – Все совершала она, с теплою верою о имени Христовом, не рассуждая как и зачем? когда нужно было помочь ближнему вещественно или духовно.

Есть личность, в первых веках Христианства, которую напоминала собою представившая ныне к лику преподобных жен, добродетели коих подражала в течение целой жизни: это Меланья младшая, боярыня Римская от именитых родов всемирной столицы, которая все свои богатства истощала на убогих и на бедствующим посреди разгрома тогдашней вселенной; но милость Ея духовная превосходила еще вещественную. Она была внукою другой великой Меланьи, так называемой старшей, столь же благодетельной, хотя быть может менее кроткой и снисходительной, кото-

рой характер закален был всею крепостью древнего Рима. И у нас также, сия великая личность еще недавно повторилась в лице бывшей графини Орловой Чесменской, которая не уступала древней Меланье, готовностью жертвовать всеми своими богатствами в пользу Церкви и была, подобно Римской, крепкою Ея поборницею. Люди, которые коротко не знали смиренной рабы Божьей Татьяны, в полном смысле сего слова, нередко осуждали ее, подозревая в славолубии, потому что она находилась в близких отношениях с Державными, и обвиняли в легкомыслии, так как она предпринимала многое, чего не в силах была исполнить; но это самое свидетельствовало о её Христианской ревности ко всему благому. – В первую минуту ничто не казалось ей невозможным ибо она следовала сердечному своему порыву, с полною надеждою на успех, если только ей представлялось какое либо доброе дело, хотя и была

иногда вынуждена оставлять впоследствии не оконченным, по недостатку средств или неодолимым препятствиям. Ни в ком не подозревала она зла, и потому легко верила каждому просителю, хотя многие употребляли во зло её доверие; но как сказано у Апостола, в описании им истинной любви Христианской: «она все любит, всему веру имеет, на все уповает, все терпит», так было и с нею. (1. Коринф. XIII. 7 и 8)

Много испытывала она разочарований от тех, которые прибегали к ней для просвещения духовного, наипаче из числа евреев, но не имела духа им отказывать в познании имени Христова; её домашняя церковь была поистине соборною крещальнею для всех иноверцев. Великим постом особенно часто совершались там таинства крещения и миропомазания над присоединяемыми. Сколько евреев и магометан приняты были в лоно Церкви Христовой, под её гостеприимною сению; она не оставляла их и после

крещения, принимая участие в их вещественных нуждах, как озаботилась вначале о духовных. Были в числе их и язычники. Однажды целое семейство самоедов обратилось к ней за просвещением духовным, и едва успело это совершиться, как старец, глава сего семейства, отошел ко Господу, которого только что исповедал. Протекло несколько лет, и вот она снова встречается, у своего порога, другую семью самоедов, которая приехала на оленях из своих дальних тундр опять к ней же, просить крещения, по заповеди умершего родителя, и она опять делается восприемницею сих диких детей природы, но уже в палатах Царских, разделяя духовное торжество сие с благоговейными членами дома Царева, дабы и помощь вещественная была обильнее и еще покровительство свыше.

Последним её крестником из язычников был юный японец, отрекшийся от земной своей родины для царствия небесного. И

тут был также, вместе с нею царственный восприемник: вот на что она употребляла свои высокие связи с двором Царским. Помню как многие осуждали ее за одного еврейского отрока, который бежал от родителей и будучи сперва, по сей причине, отринут ею в Харькове, настиг ее за 200 верст далее в Белгороде, и можно сказать насильственно прилепился к её карете. Могла ли она отказать бесприютному отроку, хотя все было против него: и неудовольствие её спутников, и несогласие его родителей и даже неимение паспорта у бежавшего вслед за нею. И что же? – все преодолела её Христианская любовь: она взяла с собою и призрела бесприютного, умиротворила его родителей, достала ему необходимый паспорт, образовала сколько могла и крестила наконец у себя в доме, хотя и не много надеялась видеть от него доброго. Кто бы однако решился, при стольких препятствиях, на такой подвиг, с одним лишь уповани-

ем на милость Христову, что спасется душа отрока. Если бы исчислить все подобные случаи, то можно бы написать целый ряд назидательных повестей, где, как в чистом зеркале, отразилась бы любвеобильная душа ныне усопшей.

Обратимся к темницам, которых в течение 30 лет была она попечительницею, не по имени только, а и на самом деле, близко входя во все нужды заключенных, доколе не изменили ей оскудевшие силы, Сколько было её забот не об одной лишь вещественной, но и о духовной потребности узников; сколько радения, чтобы повсюду, во всех домах заключения, были устрояемы церкви и оглашались назидательным словом проповеди, чтобы часто посещали узников служители алтаря и читали им нравственные книги, а желающие обратиться из ереси и раскола между арестантами, или жаждущие крещения, не отсылаемы были в дальний путь без удовлетворения их ду-

ховной жажды. Хотя много бывало в этом затруднений со стороны светских властей, ради соблюдения гражданских порядков, но она все умела преодолевать своею пламенною ревностно и ходатайством, где только можно было просить. Все это неизвестно миру, в безмолвных стенах темницы, а сколько тут было разительных случаев в продолжение 30 лет! – Она смотрела на преступления, не с одной лишь внешней их стороны, но более с внутренней, духовной, и там, где строго осуждал закон, старалась исходатайствовать милость свыше, если видела чистое раскаяние или неумышленную вину, хотя и подлежавшую строгости суда. Таким образом не редко испрашивала свободу узникам, уже лишенным всякой надежды помилования.

Будем ли говорить о богадельнях и приютах, которые устраивала на свое иждивение, в разных местах столицы, и поддерживала частною благотворительностью,

иногда для призрения дряхлых и болящих, иногда же для приготовления к святому крещению, или для кающихся в заблуждениях юной жизни. Если кому либо отказывали в помещении в казенном месте, она принимала в свои приюты и даже помещала иных у себя в доме, который слыл в городе Ноевым ковчегом, от множества в нем призреваемых. У порога сего ковчеха постоянно толпились убогие и просители, которые одолевали терпение привратников, но никогда самой хозяйки: кто с просьбою о милостыни, кто ради слова заступления пред сильными мира сего, и не было никому отказа, хотя и часто роптали за её докучливость. Что же касается до милостыни, то все что ежемесячно, или в день Ангела, получала она от своего супруга собственно для себя, все раздавала неимущим или по церквам, так что еще в начале месяца, а иногда и в самый первый день, истощались уже её карманные деньги, и если случа-

лась необходимость помочь ближнему, то она сама, как нищая, обращалась к своим домашним, испрашивая у них какую либо лепту для удовлетворения убогих. Кому же известна была сия тайная её добродетель, когда и левая её рука не ведала, что творила правая!

Ничто не могло сравниться с её щедростью к церквам и обителям, которые снабжала посильным подаянием; она даже созывала в своем доме ревнителей миссий духовных, чтобы совещаться о средствах к распространению Христианства между язычниками в дальних пределах России, и сама делала сборы на сей благочестивый предмет. Частное ли это дело? – но на все ее доставало, ибо она заботилась не о самой себе, а только о пользе ближнего и о Церкви Христовой, которой была истинная и верная дочь, свято соблюдая все её священные уставы. Действительно Церковь Православная имела в ней крепкую побор-

ницу и многие из духовных прибегали к её помощи и заступлению. Дом её был беспрестанно посещаем высшими сановниками Церкви, которых жаждала она назидательной беседы, а между тем и сама готова была всегда оказать им всякую помощь, словом или делом, по своему высокому положению в свете и при Дворе Царском.

Душа её, напитанная чтением Отцов пустынных первых веков Христианства, была особенно расположена к иночеству, но из всех обителей, которые она часто посещала странствуя по России, одна особенно лежала близко к её сердцу, потому что это было собственное её создание. Обитель Святогорская, некогда исеченная иноками Афонскими в меловых скалах на берегу Донца, и долго процветавшая, как бы отблеск Лавры Печерской, была упразднена по воле Князя Таврического; но после 70-летнего запустения, восстановлена соименными ему владельцами, которым доста-

лось от него в наследство это великолепное поместье Украины, лесной оазис посреди беспредельной степи, воспривавшее от них опять духовное свое назначение. — Благочестивые супруги уступили обширный участок своей земли под обновляемую ими обитель, вызвали в нее иноков из строгой пустыни Глинской, соорудили храмы и стены, одним словом воскресили ее из развалин и чрез то одушевили весь полуденный край, который долго оплакивал любимую упраздненную свою обитель. Мудрено ли после сего, что Татьяна Борисовна привязалась сердцем и душою к сему очаровательному месту, как к благочестивому делу рук своих. Здесь устроила она себе живописную усадьбу в виду обители, над берегом Донца, и сюда каждое лето приезжала, из шума и суеты столицы, наслаждаться молитвенным уединением под теплым небом Украины, где посетили ее и Царственные гости. Сюда перенесла она и то, что было

близко её сердцу: останки братьев, пред входом в пещерную церковь преподобных Антония и Феодосия, где и сама назначила себе место упокоения. В минувшем году, после страшного падения, которое сократило её жизненные силы, когда доктора и все присные влекли ее на заграничные воды, она предпочла им Славянские, близ обители, и упорно преодолела все настояния врачей, потому что в душе её горело пламенное желание довершить начатое: освятить величественный собор Святого-рья, который много лет сооружался, и Господь утешил ее исполнением её желания, сохранив её силы до сего последнего подвига. И в нынешнем году сердце влекло ее опять в любимую обитель, но на сей раз она уступила внушению близких, которые непременно требовали, чтобы сперва ехала на воды за границу. И что же? – едва только переступила чрез заветную черту отечества, как внезапно всех поразила горькая

весть о её кончине.

В чуждом краю, в гостинице, далеко от супруга и всех близких её сердцу, без всяких утешений церковных, кроме собственной теплой молитвы: так неожиданно скончалась та, которая привыкла окружать других, в предсмертные их часы, утешением веры и таинств, приготавливающих нас к переходу в вечность, хотя конечно сама приступила к ним в час своего отъезда. Как объяснить такое жестокое лишение для души столь любящей и христианской, если не испытанием, которым хотел искусить её веру, как некогда веру Авраамову, любящий ее Господь. Но если не успела она вкусить тела Христова в самую минуту её разлуки с земною жизнью, то конечно в этот торжественный час вполне приобщилась самому Господу, которого возлюбила от первых дней своей жизни и, как верная его раба, вошла в радость Господа своего – в его небесное царствие.

Но вот еще одно посмертное испытание, которого бы могла избежать любящая душа её, если бы менее любили ее присные и исполнили её давнее желание. Останки её, привезенные с чужбины, не были отнесены в обетованную её обитель Святогорскую, где жаждала она посмертного упокоения, но почивают близ северной столицы в пустыне Сергиевой, хотя и любимой ею, но не так как Святогорскую, где еще заживо она обитала всею мыслию, всею душою, и надеялась обрести там упокоение и брэнному телу. – Безутешна обитель о такой невозвратной утрате, но какая потеря и для всей отечественной Церкви!

11 июля 1869.

А. Н. Муравьев

Твёрдо стала
ты пятою...

Стихотворение

Печатается по: Жилинская Е.
Святогорская Успенская
общежительная пустынь.-
Одесса, тип. Е.И.Фесенко, 1902
с. 48-51.

Твердо стала ты пятою
При-Донецкая скала,
Над твоею высотой
Только место для орла;
Но не птицам здесь воздушным,
Бог судил иметь приют,
А отшельникам послушным
Малый мир здесь отведен.
Над тобою вековечной,
Как венец, есть Божий храм,
Где с молитвою сердечной
Всходит к Богу фимиам.
Лик угодника святого
Чудотворный в храме том:
В память помощи готовой
При ходатайстве святом.
Крест твой, к небу вознесенный,
Блеском вечности горит;
Вкруг тебя всегда зеленый
Лес про рай нам говорит.

Ты в груди своей широкой
Старцам кельи отвела,
Чтоб с лампадой одинокой
Тихо жизнь их протекла
Было время, испытала
Много горя ты, скала,
От татарина нахала,
Когда власть его была.
Но то время буйной воли,
Не для ней закон Христа,
Горько то, как вот давно ли?
Князь под знаменем креста
Святотатственной рукою
Развенчал тебя, и ты
С полувековой тоскою
Ожидала с высоты,
Кто-б заступник такой смелый
Мог просить Царя – отца:
«Царь! есть крест осиротелый
Над течением Донца.
Ты – поборник веры правой,
Ты ограда алтарей, –

Осенись же новой славой
И живительно пролей
Твою милость на обитель,
Позабытую в глуши;
И воздаст тебе Спаситель
Мир, отраду для души».
И явилась у трона,
Светлых доблестей полна,
Беззащитных оборона,
Сердобольная жена.
Испросила разрешение
Ветхий крест возобновить,
И обитель к утешенью
Расцвела со всех сторон.
Лик отшельников избранный
Вновь воспел хвалу Творцу,
И на глас его желаний
Ныне к тихому Донцу,
Где лежит к скале дорога,
День и ночь народ спешит.
Вот что значит вера в Бога!
Вот что значит Божий щит!

Содержание

Вступительное слово	3
Муравьёв А.Н. Святые Горы	29
Комментарии	132
Муравьёв А.Н. Письмо в С.-Петербург. Святые Горы. 27 мая 1858 г.	151
Комментарии	167
Муравьёв А.Н. Несколько слов в память Т.Б. Потёмкиной	171
Муравьёв А.Н. Твёрдо стала ты пятою	187

Літературно-художнє видання

**А.М. Муравйов
про Святі гори**

Автор вступу та коментарів
В. М. Дєдов

Оформлення
Е. Є. Флерова

Комп'ютерна верстка та оригінал-макет
В. В. Ковальов

Підписано до друку 11.05.2010.

Формат 60х84 1/32. Папір офсетний.

Друк офсетний. Гарнитура Times.

Обл. вид. арк. 5,34. Тираж 1000 прим. Зам. № 105/1.

Державне підприємство «Ордена «Знак пошани» всеукраїнське державне
багатопрофільне видавництво «Донбас».

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру суб'єкта видавничої справи

ДК № 728 від 19.12.2001.

Виготовлено ТОВ «РА «Ваш імідж».

83055, м. Донецьк, вул. Артема, 80а.

За участю ФОП Малихіна І. Б.

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців, виготовників
і розповсюджувачів видавничої продукції ДЦ № 135 від 09.02.2008.